

ТОМ 1

16 +



ОЛЬГА
БАСКОВА

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ
ожерелья Антуанетты

• ПОВЕСТЬ •

Ольга Баскова

**Подлинная история
ожерелья Антуанетты. Том 1**

«Издательство «Союз писателей»

2017

УДК 82-31
ББК 84 (2 Рос=Рус)

Баскова О.

Подлинная история ожерелья Антуанетты. Том 1 / О. Баскова —
«Издательство «Союз писателей», 2017

ISBN 978-5-00073-553-4

Мы открываем учебники истории и видим множество имен. Они принадлежали королям и дипломатам, полководцам и героям, тиранам и узурпаторам, художникам и писателям. Те, кто сокрушают империи и создают их из пепла, кто делают мир прекрасным или погружают в огонь войны, создают гармонию или смуту навсегда остаются жить в памяти человечества. Но помимо гениев и деспотов, помимо тех, кто родился возле трона или мечтал заполучить его в обход всех прав, помимо деятелей искусства, политиков, военных, история Земли полнится деяниями, совершенными многочисленными аферистами. Некоторые из них буквально перевернули мир и положили основу новому порядку. На страницах книги "Подлинная история ожерелья Антуанетты" Ольга Баскова постаралась пролить свет на одну из самых больших тайн, предшествовавших началу Французской революции. Людовик XVI был слабым королем. Мария-Антуанетта предпочитала балы и развлечения. Но решился бы народ свергнуть их с престола, если бы не громкий скандал связанный с легендарным ожерельем мадам Дюбари? Тем самым, в исчезновении которого была обвинена некая Жанна де ла Мотт - внучка Генриха Валуа, интриганка и писательница, прошедшая путь от нищей бродяжки до светской дамы, от беглянки до жены графа, от безымянной эмигрантки до подружки фрейлины русской императрицы?

УДК 82-31
ББК 84 (2 Рос=Рус)

ISBN 978-5-00073-553-4

© Баскова О., 2017

© «Издательство «Союз
писателей», 2017

Содержание

Пролог	7
Часть I	9
Глава 1	9
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	30
Глава 6	33
Глава 7	36
Глава 8	38
Глава 9	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ольга Баскова
Подлинная история
ожерелья Антуанетты. Том 1
Повесть

© Баскова О., 2017

© Дьяченко А., иллюстрации, 2017

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2017

Пролог

В один из морозных зимних дней богато одетая дама чинно вышла из подъезда одного из домов на беднейшей улице Парижа. Прохожим, кутавшимся в воротники пальто, странно было видеть эту женщину в мехах, с бриллиантами, сияющими в маленьких ушах, и они смотрели на неё с нескрываемым удивлением. Незнакомка не замечала пристальных взглядов. Её тонкие губы улыбались, голубые глаза сверкали. Судя по всему, она была счастлива. Сунув в муфту руки, в одной из которых она сжимала маленькую сумочку из чёрной кожи, женщина зашагала к экипажу, одиноко стоящему чуть в стороне. Сначала она не обратила никакого внимания на группу из трёх оборванцев лет тринадцати, которые шли за ней по пятам. Один из них перегнал женщину и перегородил ей дорогу.

– Тётя, дай монетку на хлебушек.

Дама вздрогнула.

– У меня ничего нет, мальчик. Ступай, откуда пришёл.

Два других оборванца присоединились к товарищу:

– Тётя, тётя, дай монетку!

Женщина испуганно озиралась по сторонам. Как назло, улица внезапно опустела.

– Тётя, а мы не верим, что у вас ничего нет, – заявил высокий и тощий как жердь подросток с белокрысым чубом. – Дайте свою сумочку.

Дама заметалась, как испуганная птица, но оборванцы, прижав её к стене дома, вырвали из рук муфту вместе с сумочкой и растворились в сумерках.

«Там было сто луидоров», – крутилось в голове аристократки. Господи, зачем она взяла так много? Ведь она не собиралась жертвовать этой самозванке королевской крови большую сумму и не пожертвовала. Что же теперь делать? Она собралась с силами и двинулась к своему экипажу, который оставила за два квартала. Конечно, это была глупость. Глупо стыдиться благотворительности. Наверное, за это её и наказали высшие силы.

Разумеется, она не видела, как трое её обидчиков, подождав, пока экипаж скрылся из виду, вынырнули из темноты и направились к тому подъезду, из которого вышла их жертва, поднялись по обшарпанной лестнице на второй этаж и постучали в дверь. Она сразу открылась, и фигура в белом халате показалась в тёмном коридоре.

– Вот, – самый высокий протянул кошелёк. Тонкая изящная рука открыла его и дала по золотому каждому из мальчиков.

– Надо бы прибавить, – сказал белокрысый.

– Обойдётесь. Для вас это целое состояние, – шёпотом проговорила хозяйка квартиры. – Возможно, завтра нам так же повезёт.

– Хотелось бы, – прогнусавил самый маленький. – Ладно, хозяйка, мы на стрёме. Сегодня, наверное, уже никто не придёт, а завтра с утра встанем на вахту.

– Да, пораньше, – напутствовала их женщина. – Не провороньте своё счастье.

Кивнув на прощанье, мальчишки ушли, тихо переговариваясь о барышах, которые удалось заработать за день. Такая работа им нравилась. Главное – осторожность. Не дай бог, они попадутся на глаза какой-нибудь ограбленной ими дамочке и она натравит на них полицию. Но для того, чтобы жертва причинила им неприятности, она прежде должна узнать своих обидчиков. А это не такое лёгкое дело. Тысячи оборванцев, похожих на этих мальчишек как две капли воды, бродили по Парижу в поисках наживы. На всякий случай завтра они облачатся в другие лохмотья и сильнее обмажутся грязью. Как говорится, бережёного бог бережёт. Радость от заработанных денег была через край, и парни выражали её криками и гиканьем.

В тот момент они не думали о женщине, предоставившей им такой заработок, и не подозревали, что она была не менее счастлива. Подумать только, пять самых богатых дам Парижа,

сами того не зная, подарили ей свои кошельки. Ещё немного – и можно обзавестись драгоценностями, красивыми платьями и экипажем, а потом просить кредит у банкиров. Однажды один человек из высшего общества сказал, что кредиты охотнее выдаются тем, кто приезжает в собственных экипажах. Что ж, он был совершенно прав.

Часть I

Вместо Версаля – Голгофа

Глава 1

Граф Алессандро Калиостро расхаживал по богато обставленному залу, довольно потирая подбородок. Он находился в Париже не один месяц и не собирался покидать гостеприимную Францию, во всяком случае в ближайшее время. Легковерных дураков всегда хватало в его жизни, и среди французов их нашлось более чем достаточно. Его затасканная байка о том, что он родился во время сотворения мира и спасся от Всемирного потопа на Ноевом ковчеге, шла на ура. На деле выходило, что ему более полутора тысяч лет, даже две без двухсот, но это никого не смущало. Знатные дамы и кавалеры вовсю раскупали его бальзам, веря, что им тоже удастся сохранить молодость. Ах, молодость, молодость! На что только не пойдёт человек, чтобы её продлить! Во что только не поверят несчастные, когда им пообещают вечную юность! Калиостро подошёл к столу, накрытому парчовой с золотой вышивкой скатертью и взял в руки флакон с позолоченной крышечкой. Внутри поблёскивала зеленоватая жидкость – его знаменитый бальзам. Сколько ему удалось его продать? Тонну? Граф поставил флакон на место, подошёл к маленькому шкафу из орехового дерева и открыл верхнюю створку. На полке красовалось с десяток таких флаконов.

«Маловато, – решил Калиостро. – Завтра у меня спиритический сеанс. После него наверняка найдутся желающие приобрести чудодейственное зелье. Нужно сегодня же постараться изготовить хотя бы парочку флаконов». Приняв решение, мужчина пригладил напудренный парик и улыбнулся. Он вспомнил, как дотошный престарелый маркиз де Совиньи, у которого отсутствовала половина зубов и волос, с жёлтым, как старый пергамент, лицом, испещрённым морщинами, допытывался, сколько времени нужно принимать это зелье, чтобы помолодеть хотя бы на десяток лет. Калиостро наобум брякнул, что не менее пятидесяти. Совиньи помрачнел и заявил, что тогда ему нет никакого смысла платить такие деньги за лекарство, которое, по сути, ему не пригодится: дескать, он вряд ли проживёт ещё полвека. Граф со своей приятнейшей улыбкой заверил старика: снадобье не только продлевает молодость, но и жизнь. А значит, у distinguished маркиза нет никакого повода волноваться. Разумеется, он проживёт пятьдесят лет и в один прекрасный день заметит, как молодость возвращается к нему. Это решило дело. Недоверчивый Совиньи приобрёл два флакона.

Калиостро мысленно посмеялся над ним, как и над всеми остальными покупателями. Шафран, настойка алоэ, розовая вода, входившие в эликсир, никак не сделают вреда, но и не принесут никакой пользы. Да, на доверчивости людей определённо можно сделать и деньги, и имя.

Граф подошёл к зеркалу и довольным взглядом окинул себя с головы до ног. В зеркале отразился представительный мужчина средних лет с прекрасным цветом лица, в меру полный, с умными серыми глазами и пронзительным взглядом. «Порой я и сам начинаю верить, что мне более тысячи лет», – усмехнулся Алессандро и позвонил в колокольчик. Верный слуга Гильом, юркий, проворный мужик, напоминавший доброго гнома с мышинным личиком, тотчас возник перед господином.

– Что прикажете, сударь? Для завтрашнего спиритического сеанса всё готово.

– Не всё, мой дорогой Гильом, – возразил граф. – Я хочу поручить тебе одно очень важное задание. Только ты с твоим умом и деликатностью способен выполнить его.

Слуга склонился так низко, что с парика посыпалась пудра.

– Я к вашим услугам, синьор.

– Тебе во что бы то ни стало нужно разыскать одну женщину и пригласить её на сеанс, – сказал хозяин. – Я слышал, сейчас она в Париже, и мне необходимо видеть её у себя.

– Если эта женщина богата и знатна, мне ничего не стоит выполнить ваше поручение. – Гильом по-прежнему стоял в угодливой позе.

– На данный момент она скорее бедна, чем богата, – отозвался Алессандро. – Она носит графский титул, как и я. Он достался ей от мужа. Но в обществе её не принимают.

Слуга вытаращил глаза:

– Вы хотите, чтобы такая женщина присутствовала на вашем сеансе? Но что скажут маркиза, графиня и...

Калиостро поднял изящную белую руку с ухоженными ногтями.

– Эта дама довольно деликатна, и я не сомневаюсь, что она наденет густую вуаль. Что же касается дальнейших действий, предоставь это мне.

Он гордо выпрямился, и слуга с восхищением посмотрел на своего господина. Да, поистине он благородного происхождения, что бы ни болтали злые языки. Горделивая осанка, умный проницательный взгляд, орлиный нос...

– Я сделаю всё, что вы прикажете.

– Вот и отлично. – Алессандро взял со стола листок и подал слуге. – Её зовут Жанна де Ла Мотт. Ещё совсем недавно она обитала по этому адресу, но не уверен, что графиня находится там и сейчас.

Гильом пробежал глазами округлые буквы.

– Вы правы, синьор. Не такая это улица, чтобы находиться там долгое время. Разве только... – Он не закончил фразу и поклонился. – Я отыщу её, чего бы мне это ни стоило.

– Поторопись, – напутствовал его хозяин. – Не тебе повторять, что мой спиритический сеанс назначен на завтра.

Гильом развёл руками:

– Разумеется, синьор.

Когда слуга удалился, Калиостро довольно потёр вспотевшие ладони. Если эта женщина согласится... если согласится... А она должна согласиться, чёрт возьми... Услышав о ней, он долгое время не упускал её из вида. Так вот, если она согласится, они вдвоём... Впрочем, Алессандро решил не загадывать наперёд.

Глава 2

Гильом, прекрасно знавший Париж, не зря отметил убогость улицы Сен-Клод, где обитала Жанна де Ла Мотт. Кутаясь в тёплое пальто, он остановился у почерневшего от старости и сырости дома, стряхнул снег с сапог и вошёл в тёмный подъезд. Квартира графини находилась на втором этаже, и слуга, побряхтывая и считая вслух, принялся подниматься по крутым, довольно ветхим ступеням:

– Раз, два, три... Чёрт, да сколько их тут...

Преодолев ровно одиннадцать, Гильом замер возле чёрной исцарапанной двери и постучал. На его удивление, она сразу отворилась, и слуга нос к носу столкнулся с пожилой особой, облачённой в старый, линялый капот.

– Что вам угодно, сударь? – спросила она строго. Гильом галантно поклонился, хотя ни минуты не сомневался, что перед ним не та, к кому его послал Калиостро. Скорее всего, эта пожилая особа – такая же служанка, как и он, но довольно противная.

– Мне нужна графиня де Ла Мотт.

– Зачем? – Красный нос женщины задёргался от любопытства.

– У меня к ней поручение от очень важного человека, – ответил слуга уклончиво. – И говорить я буду только с ней.

Старая гримза не торопилась впускать непрошеного гостя, видимо собираясь ещё что-то спросить, но приятный голос, принадлежавший явно молодой женщине, вклинился в их пустую беседу:

– Кто там, Клотильда?

Старуха зашмыгала носом – тонким, длинным, в мелких морщинах.

– Он утверждает, что у него поручение...

– Впусти его.

Служанка немного поколебалась, всем своим видом демонстрируя, что от её решения тоже что-то зависит, и пропустила Гильома:

– Ладно уж, идите.

Мужчина оказался в маленьком коридоре, в котором полностью отсутствовала мебель, и с удивлением заметил, что в квартире почти так же холодно, как на улице. Он решил не снимать пальто, тем более вешалка, подпиравшая стенку и кренившаяся набок, была пуста. Вероятно, обитатели холодной квартиры надели на себя всё, что имелось в гардеробе.

– Сюда. – Пожилая особа отворила дверь в комнату, и Гильом предстал перед сидевшей на софе молодой черноволосой женщиной с тонкими, аристократичными чертами лица.



Она казалась довольно миловидной и приятной, но была одета столь же легко и бедно, как служанка. Её наряд состоял из простого красного платья и чёрной шали, накинутой поверх. Парик дама не носила, и чёрная прядь волос оттеняла высокий мраморный лоб; тонкие губы слегка посинели, маленькие руки теребили дырявую муфту. Верный раб Калиостро поразился, как столь слабое создание выносит такой холод. Казалось, какой-то знатный мужчина с тём-

ной бородой и узким лицом, строго смотревший с портрета на серой стене с подтёками, тоже подёргивался, пытаясь согреться. Гильом с удивлением узнал в нём Генриха Валуа, короля французского и польского. Он-то что делает в убогой квартирке?

– Я графиня де Ла Мотт, – представилась женщина и улыбнулась, продемонстрировав прекрасные ровные зубы. – Вы удивляетесь, почему я сижу в холоде? – Она словно читала его мысли. – А что делать, если денег на дрова не осталось? Правда, может быть, тот господин, которого вы представляете, подбросит мне немного? Он послал вас, получив мои письма, не правда ли?

– Мне только известно, что мой господин, граф Калиостро, желает завтра видеть вас на своём спиритическом сеансе, – мягко ответил Гильом.

Тонкие чёрные брови графини поползли вверх, как две змейки.

– Граф Калиостро? Это тем более удивительно, что я ему не писала. Маг и чародей никак не может хлопотать мне достойную пенсию. Чего же он хочет?

Слуга «мага и чародея» повторил так же мягко:

– Чтобы вы были завтра на сеансе.

Графиня сжимала и разжимала маленький белый кулачок, вероятно пытаясь хотя бы таким образом размять застывшие пальцы.

– Но, насколько я знаю, в его салоне собирается изысканное общество. Бедной женщине – такой, как я, – нечего там делать. – Она обвела взглядом комнату, в которой, кроме софы, накрытой выцветшим шёлковым покрывалом неопределённого цвета, двух стульев с прохудившимися сидениями, бесстыдно обнажавшими пружины, тарасившиеся на белый свет, камина, который давно уже никто не топил, и маленького столика, ничего не было. – Кроме всего прочего, у меня два платья. Одно на мне сейчас. Видите, какое оно поношенное? Мне не стыдно выйти в нём к благотворительницам, чтобы продемонстрировать нищету, в которой я живу. Но явиться в нём в общество... Извините, но я вынуждена отклонить приглашение. – Жанна де Ла Мотт чуть приподняла подол платья, продемонстрировав Гильому стоптанные туфли. – А что вы скажете на это? Тем не менее это моя единственная обувь.

Мужчина застыл в раздумье. Разумеется, эта женщина наденет вуаль, но жалкая маскировка её не спасёт. За столом графа она станет всеобщим посмешищем, и острячки, подобные маркизе де Шалье, обязательно пустят в незнакомку парочку шпилек. Такие уж это создания – женщины. Они кричат на всех поворотах о своём щедром сердце, о добрых делах, но никогда не упустят случая унижить (причём с самым невинным видом) подобное им существо, в то время как мужчины, настоящие мужчины... Он запустил руку в карман и достал несколько монет.

– Думаю, здесь хватит на платье. – Гильом положил деньги на столик с изрядно потёртой полировкой. – Конечно, оно не будет столь дорого и изысканно, как наряды некоторых из присутствующих дам, но, во всяком случае, новое и без заплат. Не знаю, хватит ли на башмаки... Впрочем, в комнате, где будет проходить сеанс, всегда очень темно. Вам никто не мешает выйти раньше всех.

Женщина лукаво улыбнулась:

– То есть вы намекаете, что к столу я не приглашена.

– Честно говоря, сударыня, я понятия не имею, что собирается делать граф после сеанса, – признался Гильом. – Иногда он так устаёт, что сразу удаляется к себе в спальню.

Графиня развела руками:

– Видите, до чего довела меня бедность... Приходится брать деньги у слуги... Однако помните: я беру их только потому, что ваш господин приказал вам передать его просьбу. Если я не приду на сеанс, вас сделают виноватым, а этого я не могу допустить.

Она мило улыбнулась, и Гильом ответил ей столь же милой улыбкой:

– К сожалению, вы правы, сударыня.

– Я всегда права. – Жанна поднялась, продемонстрировав царственную осанку. – Клотильда вас проводит. Передайте графу, что я обязательно буду.

Слуга поклонился и вышел в коридор, почти не скрывая радости. Обстановка этой убогой квартиры действовала угнетающе. От всего облика графини веяло какой-то тайной, однако Гильом не привык задумываться над непонятными вещами. С таким человеком, как его хозяин, непонятные вещи окружают всю жизнь. Разгадывать загадки – дело магов и чародеев, каковым и является Калиостро. Что касается его, Гильома, то он просто скромный слуга, никогда не совавший нос в дела графа. Если эта женщина нужна Калиостро, он её получит, и не лакейского ума дело, зачем она понадобилась хозяину.

Глава 3

Когда незнакомец ушёл, сопровождаемый неодобрительным ворчанием Клотильды, Жанна с лёгкостью вскочила с софы и подбежала к заиндевавшему окну. Она видела, как мужчина, бросив быстрый взгляд на дом, поспешил по улице, кутаясь в пальто. Его визит ни о чём ей не сказал. Разумеется, как и все в Париже, она слышала про графа Калиостро, но никогда не ходила на его сеансы, предназначенные не для неё, а для парижской знати. Интересно, зачем она ему понадобилась? Может быть, кто-то из тех знатных особ, которые иногда посещали её убогую квартирку и обещали выхлопотать достойную пенсию, упомянул о ней? Но это всё равно не объясняло желания графа видеть Жанну у себя. Наморщив лоб, молодая женщина придумывала всевозможные причины и, так ничего не придумав, вернулась на софу.

– Клотильда! – позвала она служанку. Старая Лепорелла не замедлила появиться.

– Слушаю, госпожа.

– Я подожду ещё пару часов и больше никого не приму, – сообщила ей своё решение Жанна. – В квартире очень холодно, и нам следовало бы затопить камин. Мы сегодня достаточно заработали, чтобы позволить себе такую роскошь. – Она достала из муфты маленький, можно сказать крошечный, ключик и что-то ковырнула на поверхности столика. Потёртая поверхность раздвинулась, обнажив нишу, и графиня вынула кошелёк.

– Держи. – Жанна протянула Клотильде сто ливров. – Купи дрова, какой-нибудь еды и приличное, но скромное платье. Завтра я выхожу в свет.

Клотильда бросила плотоядный взгляд на кошелёк.

– Госпожа, зачем же экономить на платье? Если вы решили наконец показаться в свете, нужно покупать лучшее.

Де Ла Мотт нахмурилась, поражаясь тупости служанки.

– О том, сколько у нас денег на сегодняшний день, знаем только ты и я, – раздражённо проговорила она. – Только за кредитом к банкирам принято ездить в шикарном собственном экипаже. А женщине благородного происхождения, если она хочет вернуть имения и титул, проще давить на милосердие знатных господ.

– Дёшево стоит это милосердие, – прошамкала старуха, но спорить не стала. – Сию минуту выполняю ваши приказания.

– Будь любезна.

Когда за верной Лепореллой закрылась дверь, Жанна, стиснув руки, с горечью стала вспоминать своё детство.

* * *

Слуга Калиостро, увидев на стене портрет Генриха II, не стал долго думать и не поинтересовался (впрочем, проявлять интерес не позволял его ранг), что делает в квартире графини бывший король Франции. Но если бы он вдруг узнал правду, то был бы очень удивлён. Опальному королю молодая женщина приходилась самой настоящей внучкой. Да-да, в её жилах текла королевская кровь, и графиня де Ла Мотт давно уже собиралась вернуть всё, что принадлежало ей по праву. Хотя, наверное, сделать это было не легче, чем слетать на Луну. Современный королевский двор ненавидел Валуа и не желал вспоминать о некогда всемогущем роде. Вот почему ни король, ни королева никогда не откликались на её прошения. Возможно, они казались им смешными, потому что родственники Валуа давным-давно пошли по миру.

Отец Жанны проживал в ветхом деревянном домике в одной из деревень под Парижем и всегда помнил, к какому знатному роду принадлежит, хоть и является незаконнорождённым. Однако он никогда не помышлял вдруг оказаться при дворе, предпочитая голодать. Крошеч-

ная пенсия от королевской семьи и скудный урожай с участка земли позволяли не протянуть ноги. Сварливая жена, мать Жанны, в прошлом служившая привратницей, никогда не любила мужа. Соблазнённая его рассказом о великих предках, женщина заставила супруга переехать в столицу, и там, в бедном парижском квартале, у них родилась дочь. Отец был для девочки единственным на всём белом свете близким существом, в отличие от матери, которая сетовала на свою глупость (ведь именно по глупости она вышла замуж за недоумка) и глупость мужа, не умевшего прокормить семью. Голод и постоянные переживания добились несчастного, и он умер от воспаления лёгких. Жанне показалось, что мать даже обрадовалась. Она сразу выгнала дочь из нищей квартиры, и девочке пришлось просить милостыню.

Жанна сказала себе: сидеть на паперти или назойливо приставать к хорошо одетым прохожим, хватая их за одежду вместе с другими ужасными личностями, претендующими на такой же заработок, калеками и убогими, от которых всегда пахло нечистотами, она не будет. Пусть сейчас она ничем не лучше их, такая же нищенка, но в её жилах течёт королевская кровь, и люди, подающие ей, должны знать об этом. Девочка по возможности старалась выглядеть опрятной и робко обращалась к проходившим по улице дамам:

– Подайте потомку королевского рода Валуа.

Прохожие вели себя по-разному. Некоторые откровенно смеялись ей в лицо, обзывали, гнали, и ей приходилось удаляться в подворотни под аккомпанемент весёлого улюлюканья уличных мальчишек, сразу прозвавших её «ваше нищее величество». В такие минуты ей хотелось броситься в мутные воды Сены, чтобы никогда больше не испытывать чувство стыда и унижения. Но, к счастью, насмешников было немного. Часто растроганные дворянки охотно платили девочке, и Жанна, с восторгом глядевшая на меха и золото, понимала: на их месте могла быть она. А раз могла, то должна быть, чего бы это ни стоило. Но как простой нищенке, даже королевской крови, стать с ними вровень? Её маленький хитрый мозг работал денно и нощно, однако пока ничего не мог придумать. Маленькая бродяжка говорила себе, что её день ещё наступит, нужно только подождать, и усердно молилась Богу.

Всевышний услышал её молитвы. Однажды, холодной зимой, прислонившись к стене какого-то дома и пытаясь согреться в дырявой накидке, которая настолько прохудилась, что начала расплзаться, Жанна увидела богатый экипаж. Кучер остановил лошадей у внушительного особняка и помог выйти из кареты шикарно одетой женщине.

– Узнайте, дома ли господин Буленвилье, – властно поинтересовалась дама, – и доложите ему о моём приходе.

В другой момент девочка ни за что не подбежала бы к обладательнице такого властного голоса, но сегодня выбирать не приходилось. Либо она замёрзнет здесь, на пустынной заледенелой улице, либо отогреется в таверне и продолжит мытарства дальше. Оторвавшись от стены, Жанна рванулась к незнакомке и вцепилась в её шубу.

– Сударыня, прошу вас, подайте мне, иначе я замёрзну или умру с голоду.

Женщина, оказавшаяся довольно молодой и привлекательной, удивлённо взглянула на нищенку, так неожиданно появившуюся у неё на пути.

– Жак, подайте девочке монетку, – приказала она кучеру и сделала несколько шагов к дому, но вдруг остановилась, словно передумав, и повернулась к оборванке:

– Сколько тебе лет?

– Тринадцать, – покорно ответила Жанна.

– Ты сирота? Твои родители умерли?

– Мой отец умер. – Нищенка наклонила голову. – Он был королевской крови, из рода Валуа. А мать выгнала меня из дома, и вот уже год, как я о ней ничего не знаю.

Женщина сжала губы:

– Бедняжка! Пойдём со мной.

Она обняла девочку и повела в свой дом.

– Ты действительно родственница Франциска I?

Жанна смиренно наклонила головку:

– Да, сударыня.

Они поднимались по мраморной лестнице к тяжёлой деревянной двери с ручкой, инкрустированной золотом, и девочке казалось, что сейчас начинается её восхождение в рай.

– Как тебя зовут, дорогая? – поинтересовалась добрая волшебница. Именно такой она представлялась сейчас маленькой нищенке.

– Жанна де Сен-Реми Валуа, – покорно ответила девочка. – Мой отец пытался вернуть титул, но его старания не увенчались успехом, и он звался просто Сен-Реми.

Лакей в напудренном парике и голубом шёлковом камзоле открыл перед ними дверь, и Жанна оказалась в такой огромной прихожей, какой не видела за всю свою короткую жизнь. Блестящие мраморные лестницы вели наверх. Высокие готические окна скрывались под малиновыми бархатными занавесками. Стены украшала причудливая лепка с позолотой. С потолка свешивались хрустальные люстры. Их висяльки блестели, как алмазы, привлекая пламя свечей.

– Жак, отведите эту бедняжку на кухню и накормите её, – распорядилась дама, снимая с головы платок. – Потом попросите Адриану, чтобы она подобрала ей что-нибудь из одежды. – Она бросила взгляд на чумазные щёчки девочки. – Да, и нагрейте ей воды. Она не мылась, наверное, несколько лет.

– Неправда, сударыня, – осмелилась возразить Жанна. – В тёплые дни я всегда купалась в Сене. Отец учил меня следить за собой, ведь мы королевских кровей.

– Что ж, очень приятно слышать, что ты такая чистюля, – улыбнулась женщина. – И я не забыла о твоей родословной. Кстати, я тоже происхожу из знатного рода. Ты в доме маркизы де Буленвилле.

– О, сударыня! – Жанна сделала реверанс, и маркиза, смеясь, подтолкнула её:

– Ну, иди же. Жак устал тебя ждать.

Лакей в голубом камзоле увёл девочку на кухню, которая произвела на нищенку не менее сильное впечатление, чем прихожая. Столько утвари и приспособлений для готовки она ещё не видела. Её мать довольствовалась одной закопчённой кастрюлей, в которой варила неизменный луковый суп, и одной сковородой. Жак с удивлением наблюдал за странным приобретением хозяйки, рассматривавшей каждую поварёшку, каждый прибор.

– Вижу, тебе не хочется есть, – насмешливо проговорил он, и Жанна оторвалась от созерцания роскоши, никогда доселе не виданной.

– Простите. Каждая вещь в этом доме для меня в диковинку. Если бы вы знали, как жили мои родители...

Жак потёр широкий, испещрённый красными прожилками нос.

– Садись сюда. Это стол для прислуги.

Он вышел из кухни и через несколько минут вернулся с женщиной средних лет в белом чепчике и фартуке.

– Это Адриана, горничная. Адриана, госпожа приказала накормить эту девочку, вымыть её и приодеть.

Большие голубые глаза горничной расширились от удивления, на гладком лбу собрались морщины, однако она ничего не сказала, лишь поставила перед Жанной большую глубокую тарелку и плеснула горячего супа. От него исходил такой запах, что девочку замутило. Она давно не ела ничего, кроме хлеба и лука. Схватив ложку, не деревянную и искусанную, как в её доме, а оловянную, с инкрустированной ручкой, Жанна с жадностью принялась за кушанье. Адриана присела рядом и погладила её по голове.

– Откуда ты появилась, прелестное создание?

– С улицы, – пояснила нищенка и, подавившись, закашлялась.

Горничная постучала её по спине.

– Не торопись. Эту порцию у тебя никто не отнимет. Кроме того, тебя ждёт кусок вкусного жареного мяса. Надеюсь, ты от него не откажешься?

Ловким движением она сняла со сковороды кусок мяса, полила его каким-то тёмным соусом, необыкновенно ароматным, и придвинула девочке.

– Правда, выглядит аппетитно?

Жанна что-то промычала, не в силах отвечать с набитым ртом.

Горничная лукаво подмигнула ей:

– Пойду нагрēju воду и подышу тебе что-нибудь из одежды.

Адриана удалилась неслышно, оставив нищенку совершенно одну, и маленькая Валуа принялась за второе. Блюда, которыми угощали её в этом доме, казались созданными самим Богом. Белый нежный хлеб ничуть не напоминал расплзавшиеся куски серого цвета из дешёвой муки – постоянную пищу в её бедной семье. Суп с шампиньонами зарумянил её щёки и заставил кровь сильнее биться в жилах. Ну а мясо... Когда-то Жанна могла о нём только мечтать... В их семье никогда не было денег, чтобы купить хотя бы маленький кусочек. Неужели она в раю? Взяв в тонкие, изящные пальцы обгрызенную корочку хлеба, Жанна тщательно вычистила ею тарелку и отправила в рот. В этот момент в кухню вошёл полный господин с выпуклыми серыми глазами и длинным горбатым носом. Следом за ним показалась маркиза Буленвилье.

– Это ваше приобретение? – Мужчина оглядел Жанну с ног до головы и, видимо, не остался доволен. – Эта жалкая нищенка – ваше приобретение? Дорогая, вы имеете достаточно денег, чтобы купить дорогого коня. На нём, по крайней мере, можно скакать по Булонскому лесу и выезжать на королевскую охоту. Но зачем вам этот заморыш?

– Эта девочка королевской крови, – пояснила женщина. – Она Валуа.

– То есть она вам так сказала. – Господин ещё раз пробежался глазами по худенькой фигурке девочки. – Я не верю ни единому слову! Париж кишит нищими отпрысками знатных семейств, и кому-кому, а вам это должно быть известно. В общем, я не желаю иметь с ней ничего общего. Она не будет жить в этом доме!

Маркиза гордо вскинула голову на лебединой шее:

– Ошибаетесь, сударь! Это мой дом, и я вправе принимать решения. Эта девочка останется здесь.

На удивление Жанны, с ужасом слушавшей их разговор и ожидавшей изгнания из рая, господин как-то съёжился, словно сдулся, и проговорил уже более миролюбиво:

– Ладно, дорогая, в принципе, я не имею ничего против. Но с детьми столько возни. Мы же не будем нанимать ей няню?

– Она достаточно взрослая, – возразила маркиза и потянула его за собой, уступая дорогу Адриане, возникшей на пороге с ворохом белья. – Пойдём поговорим в гостиной.

Радость и восхищение Жанны убавились почти вполовину. С присущей ей проницательностью она поняла, что господин де Буленвилье её враг и ничто никогда не сделает их друзьями. Разумеется, маркиз выгнал бы её немедленно и сделает это при любом удобном случае. Нужно быть крайне осторожной и снискать расположение маркизы. Тогда райская жизнь для неё никогда не кончится. И маленькая нищенка, выработав хитроумный план действий, приступила к его осуществлению. Она беспрекословно исполняла все поручения маркизы, восхищалась её красотой, льстила её женским достоинствам и действительно добилась любви и расположения богатой покровительницы.

– Мы вернём тебе титулы и имения, – обещала госпожа. – Только соберём необходимые документы и докажем твоё происхождение. При моих связях сделать это будет нетрудно.

Умиротворённая Жанна спокойно засыпала в мягкой, душистой постели и видела сказочные сны. С каждым днём ей казалось, что её положение всё более и более прочно. Однако бедняжка ошибалась.

Маркиз, карточные долги которого оплачивала жена, не желал иметь конкурентку в своём мирке и тоже напрягал мозг, думая, как избавиться от этой самозванки. К несчастью последней, ему это удалось. Он стал делать девочке такие знаки внимания, какие оказывают либо своей возлюбленной, либо женщине, которую намереваются сделать таковой, и доброе сердце де Буленвилье не выдержало. Напрасно несчастная Жанна уверяла, что это происки её давнего недоброжелателя. Маркиза верила и не верила и под конец решила отдать девочку в монастырь и следить за её судьбой.

Монахини с не улыбающимися лицами рьяно взялись за её воспитание, и это ей не понравилось. С богатыми отпрысками знатных семейств она тоже не нашла общий язык. Здесь над ней смеялись, обзывая лгуньей, делали из веток корону и пытались надеть ей на голову. Девочка постоянно убегала в дальние аллеи старинного густого, изобилующего заброшенными уголками монастырского парка и там, в тишине, под журчание ручья, окаймлённого замшелыми камнями, давала волю слезам. Она чувствовала себя птицей в клетке, но не в золотой, где ей так хотелось оказаться, а в старой и ржавой. Жаловаться на своё положение было некому. Госпожа де Буленвилье регулярно навещала воспитанницу, но оставалась глухой к её жалобам и просьбам, и Жанна понимала её. Маркизе не хотелось скандала. В светском обществе любят мусолить разные скабрёзности, и де Буленвилье всеми силами пыталась оградить себя и своего мужа от порочащих разговоров.

Шло время... Худо ли бедно, но три года пролетели как один. Девушка нашла спасение в том, что, однажды обнаружив лаз в каменной стене под густым тёмно-зелёным с мраморными прожилками плющом, каждый вечер вырывалась на свободу. Она бродила по улицам, оставаясь у витрин ювелирных магазинов, где изделия известных мастеров были выставлены напоказ во всей своей красе. Бедняжка жадно смотрела на драгоценности, представляя себя в них. Сапфиры ассоциировались у неё с голубизной моря, которое она ни разу не видела, изумруды – с сочной зелёной травой, ну а бриллианты, игравшие при свете фонарей всеми цветами радуги... Бриллианты заставляли её затаить дыхание и позавидовать счастливым обладательницам камней. В числе их должна быть и она, урождённая Валуа. Но как добиться этого сказочного богатства? Жизнь предоставила ей такую возможность, но тут же дала обратный ход. Что же делать? Оставаться в этом ужасном монастыре, среди хмурых монахинь и чванливых девочек в серых платьях с белыми воротниками? Нет, нет и ещё раз нет! Нужно что-то придумать. Но дни бежали, и ничего не придумывалось, ничего хорошего и обнадеживающего не маячило на горизонте. Зато удары судьбы продолжали обрушиваться на девушку.

Однажды вместо маркизы к Жанне явился её муж и сообщил ужасную новость. Любимая госпожа умерла от воспаления лёгких. Господин де Буленвилье с радостью сообщил, что теперь отпрыск королевской крови свободен от их опеки и может катиться на все четыре стороны. После его ухода Жанна побежала к ручью, где привыкла размышлять о своих проблемах сидя на стволе дерева, и, к собственному удивлению, заметила, что не так уж сильно скорбит о доброй маркизе. Что ни говори, а та предала её. Ну и Бог с ней. Придётся опять рассчитывать только на себя. Девушка решила уйти из монастыря при первой же удачной возможности, но не сейчас (всё-таки монастырь давал ей пропитание и крышу над головой).

В тот вечер Жанна опять отправилась рассматривать золотые витрины и заметила у старого платана молодого военного, который поглядывал на неё с интересом. Красавица потупила глаза и прошла мимо, но молодой человек отправился за ней с явным намерением познакомиться. Он очень галантно представился, назвавшись графом де Ла Мотт, и, предложив свою руку, повёл гулять по набережной Сены. Девушка вела себя сдержанно, ещё не зная, станет ли она продолжать это необычное знакомство. Они договорились встретиться на следующий день,

а через неделю мужчина сделал ей предложение. Его пленили её красота и благородное происхождение. Жанна ответила согласием. Нет, не потому, что молодой граф понравился ей. Он был некрасив, неуклюж, имел чересчур круглые щёки, жидкие волосы и нескладную фигуру. Одним словом, он явно не мог претендовать на роль героя её романа. Но у него имелся титул – основное его достоинство – и наверняка деньги.

Когда молодые люди поженились и граф привёл жену в скромную каморку, она, к своему ужасу, узнала, что у него нет ни гроша – ничего, кроме титула. Конечно, титул давал ей возможность проникнуть в свет, в Версаль, о чём она давно и безнадежно мечтала, но за это следовало платить безграничным терпением и опять, как когда-то в детстве, выносить бедность, холод и есть скудную пищу, уступавшую даже монастырской. Нищета снова простёрла над Жанной свои тёмные крылья.

Первый поход в Версаль оказался неудачным. Дамы и их кавалеры почти в открытую смеялись над юной графиней и над её неуклюжим мужем. Не остался в стороне даже его непосредственный начальник – граф д'Артуа. Там, среди роскоши королевского двора, урождённая Валуа впервые увидела Марию-Антуанетту. Она оказалась вовсе не такой красавицей, как девушка воображала, и была немного похожа на овечку белыми кудрями и выпуклыми голубыми глазами. И королева, и Людовик fVI бросили на Жанну мимолётный взгляд, и графиня де Ла Мотт поклялась, что они ещё заплатят за подобное пренебрежение. Больше в Версале она не показывалась, а когда один за другим умерли её новорождённые дети, сделалась затворницей в своей каморке на мрачной и нищей улочке Сен-Клод, отказавшись следовать за мужем в провинцию.

Граф надеялся, что в скором времени у них всё будет по-прежнему и жена вернётся к нему. Он писал ободряющие письма, наполненные любовью, высылал скудные суммы денег, звал к себе, но Жанна была непреклонна. Её место – здесь, её город – Париж, и она покорит его, это решено. Восстановить титул и имения сделалось её навязчивой идеей. Скрюченными от холода пальцами она писала прошения министрам и королю, но не получала ответа. Они купались в славе и роскоши. Какое им дело до несчастной женщины, принадлежащей к ненавистой фамилии Валуа? Они отделались от неё скромной пенсией и теперь ничего не хотели слышать.

Иногда Жанну навещали дамы-благотворительницы. Заходя в её нетопленную комнату, пропахшие духами аристократки, сверкая перстнями на пальцах, бросали ей гроши, как голодной собаке, и она, задыхаясь от унижения и гнева, вынуждена была принимать жалкие подачки. Её душа переполнялась презрением и ненавистью. Ничего, настанет день, когда все о ней услышат! Но время шло, а такой день не наступал. Графиня совсем отчаялась, когда последовало приглашение от Калиостро. Но зачем она ему понадобилась? На его сеансах и так бывает самое изысканное общество. Что он может о ней знать? Кому интересно её происхождение? Кутаясь в шаль, Жанна так и не находила ответы на эти вопросы.

Стукнула входная дверь, и на пороге её комнаты возникла Клотильда с синим от холода носом и блестящими глазами.

– Всё исполнила, госпожа. – Она положила на софу свёрток. – Вот ваше платье. Модистка посоветовала взять именно его. Думаю, вам подойдёт.

Жанна поднялась с софы, развязала шёлковый шнур, перетягивавший свёрток, сняла обёрточную бумагу и, расправив платье, положила перед собой. Клотильда и модистка не ошиблись. Ей требовался именно такой наряд – невычурный, недорогой и неброский.

– Спасибо, Клотильда. Это то, что нужно.

Женщина подошла к шифоньерке и открыла дверцу. На верхней полке лежала шляпка с чёрной вуалью. Жанна решила явиться на сеанс, скрыв лицо. Наверняка там будут дамы, которые навещали её в жалкой каморке и давали деньги.

– Клотильда, помоги примерить платье, – обратилась она к служанке, ожидавшей приказаний. Старуха тотчас ринулась к графине.

– Да, госпожа.

Через несколько минут молодая женщина, облачённая в чёрную шляпку с вуалью и малиновое платье с белым воротничком, который выгодно подчёркивал её красивую фигуру, с улыбкой смотрела в старое, засиженное мухами зеркало. Она осталась довольна собой и возлагала надежды на этот визит. Кто знает, чего от него можно ожидать?

Глава 4

Граф Алессандро Калиостро, или Джузеппе Бальзамо – так его звали в действительности, постоянно устраивал спиритические сеансы для своих гостей. В их число входили только знатные особы. Жанна, прибывшая вовремя, узнала среди приглашённых маркизу де Ламбаль и графа де Фабра. Другие тоже показались ей знакомыми. Присутствующие сразу обратили внимание на хорошо сложенную даму, лицо которой скрывала чёрная вуаль, но ничего не сказали хозяину дома. В этом замке все привыкли к чудесам и ожидали их в очередной раз.

Вышколенный напудренный Гильом провёл всех в тёмную маленькую комнату с круглым столом и стульями, количеством превышавших в два раза число гостей. Лишь позже Жанна поняла: прибор перед гостем и лишний стул предназначались для духов. Сам Калиостро в тёмном камзоле появился в темноте словно ниоткуда. Лицо у него было сосредоточенным.

Графиня затрепетала. Его вкрадчивый голос внушал страх. Что задумал этот человек? Для осуществления какого дьявольского плана она ему понадобилась? Но пока на эти вопросы не было ответа. Алессандро чуть повысил голос, пробиравший до костей, и вдруг... вызвал дух её деда, Генриха Валуа. По комнате будто пронёсся ветер. Пламя свечей затрепетало. Графиня схватилась за сидение стула, стараясь удержаться и не упасть.

– Великий король французский, ты здесь? – торжественно провозгласил Калиостро. Пламя снова колыхнул порыв ветра. Жанна видела, как дрожат руки у маркизы.

– Он здесь, – раздался шёпот графа де Фабра. – Великий король здесь.

Пламя свечей продолжало плясать на лакированной поверхности стола, который начал сотрясаться. Фарфоровые тарелки звякнули.

– Дух великого короля не отказал нам в любезности. – Маг и чародей поклонился невидимому гостю. – Что скажешь нам, великий правитель?

По телу Калиостро прошла судорога. Черты его аристократического лица менялись на глазах. Внезапно граф заговорил другим голосом, заставив Жанну трепетать как осиновый лист.

– Да, я великий король Генрих, и мне пристало говорить только с человеком королевской крови!

Присутствующие стали переглядываться.

– К сожалению, сегодня среди нас нет особ королевской крови, – произнёс Калиостро обычным голосом. – Окажи нам любезность и ответь на наши вопросы.

– Здесь есть человек королевской крови! – прогремел Генрих. – Это моя внучка Жанна Валуа, и я буду говорить только с ней.

Гости все как один уставились на незнакомку в чёрной вуали.

– Дух указывает на вас! – воскликнул Калиостро. – Вы и есть Жанна Валуа.

Графиня хотела что-то сказать, но горло перехватило, в глазах помутилось. Она вскрикнула и упала без чувств на холодные плиты.

* * *

Когда молодая женщина очнулась, она увидела, что лежит на мягкой софе в незнакомой комнате. В окно светила луна, позволяя рассмотреть мужчину, неподвижно сидевшего у неё в ногах. Граф Калиостро не казался удручённым и взволнованным. Его полные щёки покрывал румянец, а в серых глазах блестели искорки. Жанна заметила про себя: «Он выглядит так, словно то, что произошло совсем недавно, было запланировано заранее и чрезвычайно обрадовало великого мага». Это испугало молодую женщину, и она шевельнулась, намереваясь подняться.

– А, графиня, вы пришли в себя... – Калиостро помог ей сесть. – Что ж, тем лучше. Видите ли, мне нужно с вами поговорить, и поскорее.

Жанна тяжело вздохнула. Она чувствовала себя усталой и разбитой. Ей хотелось немедленно уехать отсюда, оказаться дома, в уже натопленной Клотильдой комнате, и улечься в постель.

– Могу ли я ехать? – поинтересовалась она слабым голосом. – Я не в состоянии вести сейчас беседу. Обещаю, позже мы увидимся с вами, и вы ещё раз вызовете дух моего деда. – Графиня сжала руки. – Мне так много нужно ему сказать... – Молодая женщина порывисто встала. – Пожалуйста, проводите меня.

Калиостро удержал её за тонкую талию:

– Сядьте. Я не отпущу вас до тех пор, пока не поговорю.

Она закусила губу:

– Что вам от меня нужно?

– Прежде всего, чтобы вы выслушали меня, – начал Калиостро. – Видите ли, дорогая графиня, вынужден признаться сразу, что никакой дух вашего деда я вызывать не буду, как бы вы ни просили.

– Но почему? – удивилась Жанна. – Это же мой родной дед, и мне хотелось бы...

Граф поднял вверх длинный указательный палец.

– Даже если бы он был вашим любимым отцом, я всё равно не сделал бы этого, потому что не смог бы. Возможно, даже сейчас кто-то ещё умеет приглашать мертвецов к себе на чай, но только не я.

Жанна почувствовала, как кровь прилила к её лицу.

– То есть вы хотите сказать, что никакого короля Генриха на спиритическом сеансе не было?

Калиостро послал ей самую очаровательную улыбку, на которую был способен.

– Именно так, дражайшая графиня. Не было.

Руки женщины дрожали, алые губы дёргались.

– Но этого не может быть! Генрих пришёл, и мы все присутствовали при этом. Чем же тогда объяснить дрожание стола, ветер и ваш изменившийся облик?

Алессандро добродушно рассмеялся:

– Изменение моего облика можно смело приписать моим артистическим талантам. Что до всего прочего, за это спасибо Гильому. Под полом комнаты для спиритических сеансов имеется келья со всевозможными приспособлениями. Я обучил Гильома нехитрой технике, и мой слуга вполне справляется с задачей, когда слышит некоторые команды, понятные только нам.

Жанна снова встала. Лицо её было блее простыни, глаза метали молнии, мраморный лоб прорезала морщина.

– Извините, сударь, но я не имею дела с шарлатанами! Они мне противны. Вам не стыдно обманывать доверчивых людей?

– О, они сами хотят быть обманутыми. – Граф приложил руку к сердцу, как бы клянясь в этом. – И согласитесь, деньги парижане отдают мне добровольно. Я не сколачивал банду местных оборванцев, чтобы чистить их кошельки, как это сделали вы.

Молодая женщина прижала руки к пылающим щекам.

– Если бы вы знали, что такое голод и холод! – воскликнула она. – Только обстоятельства заставили меня пойти на столь постыдное дело. А теперь, сударь, я ухожу, и вы не сможете этому помешать.

– Сядьте, – снова повелел он, и Жанна, к своему удивлению, послушалась. Граф так и не сказал, зачем она ему понадобилась. Именно это предстояло выяснить теперь.

– Вам ничего не известно про мою прошлую жизнь, и, если хотите, когда-нибудь я вам о ней расскажу, – строго сказал он, – но явно не сегодня. Сегодня я хочу поговорить о другом и попросить вас принять одно решение. От него будет многое зависеть.

– Зависеть что? – усмехнулась графиня.

– О, дражайшая графиня, не будьте столь нетерпеливы, – усмехнулся Калиостро. – Итак, всё по порядку. Я признался вам, что перед вами самый настоящий шарлатан, который во время спиритических сеансов разыгрывает представления. Пока парижане верят, что мне почти две тысячи лет, что я торгую разными целебными эликсирами, а мой знаменитый бальзам способен продлевать жизнь и молодость.

Жанна подняла глаза к потолку.

– Так дурачить людей! – воскликнула она. Мужчина жестом приказал ей замолчать.

– Когда люди хотят, чтобы их одурачили, их обязательно одурачат, – веско сказал он. – Не я – так кто-то другой. Кстати, мои снадобья совершенно безопасны, а некоторые из них даже помогают, скажем, от несварения желудка. Сейчас я в моде, но лет через пять обман выйдет наружу. Никто не застрахован от старости. Как бы я ни следил за собой, какие бы косметические средства ни использовал, я начну стареть. Я могу сколь угодно долго красить волосы краской собственного производства, но не сумею избежать морщин, которые скоро избородят моё лицо. И тогда доверчивые парижане спросят, почему мне явно более сорока пяти лет. Ведь я заверил их, что запрограммировал себя именно на этот возраст. – Он щёлкнул пальцами. – А потом люди увидят, что мой эликсир молодости не помогает. Тогда меня в одночасье объявят мошенником. Разумеется, я сбегу из страны, но слух обо мне пойдёт по всему миру. Я превращусь в изгнанника, не имеющего средств, чтобы существовать достойно. Надо сказать, такое положение дел меня не устраивает. Покинув Францию, я желаю поселиться в какой-нибудь спокойной стране, скажем в Швейцарии, возле прозрачного озера, с кошельком, набитым золотыми. Видите ли, вкусив однажды богатой жизни, человек никогда ничего не захочет менять.

– Разумеется, – кивнула графиня. – Но зачем вы всё это рассказываете мне?

Калиостро поднял вверх указательный палец. Сапфир на перстне сверкнул в бледном свете луны.

– Минутку терпения, дорогая. С моей личностью всё ясно, переходим к вам. Однажды, несколько лет назад, я увидел вас у витрины ювелирного магазина. Вы с жадностью рассматривали драгоценности, и я сказал себе: «Эта женщина пойдёт на всё ради золота и драгоценных камней». Потом ваш след затерялся, и я был удивлён и обрадован, встретив вас в Версале. В своём старом платье вы вышагивали как королева, но общество не приняло вас. Я заметил, каким взглядом вы одарили королеву и её супруга, и подумал, что вы с лёгкостью отомстите двору за свои унижения. Потом я наблюдал за вами, когда вы просили аудиенции у министра, надеясь вернуть имения и титул. Вот тогда я узнал вашу историю и стал следить за вами. Уверю, с оборванцами неплохо придумано, но всё это очень мелко. Наблюдая за вами, я убедился, что именно такая женщина, как вы, нужна мне для осуществления одного мероприятия. Это рискованно, но у нас всё должно получиться. И тогда вы тоже сможете покинуть Францию с шестью сотнями тысяч в кошельке.

Щёки Жанны заалели, грудь вздымалась от волнения.

– О каком «мероприятии» вы говорите? – поинтересовалась она, стараясь выглядеть как можно более равнодушной, но дрожащий голос выдавал её.

– Что вы слышали об ожерелье, которое Людовик XV заказал для своей любовницы, госпожи Дюбарри? – спросил Калиостро. Графиня пожала узкими плечами.

– Наверное, то же, что и все. Знаменитые ювелиры сделали для неё ожерелье, равного которому нет во всём мире. Однако Людовик скоропостижно скончался и не успел выкупить его. Я думала, его сын подарит драгоценность своей жене.

Граф улыбнулся, обнажая ровные белые зубы.

– Между нами, Людовик XVI терпеть не может Марию-Антуанетту. Почему? Откуда мне это знать? Но мне доподлинно известно, что австриячка мечтала завладеть ожерельем и получила решительный отказ. Король заявил, что в казне нет денег, а изготовившие драгоценность ювелиры Бомер и Боссанж запросили полтора миллиона. Это не такая большая цена, ведь в ожерелье шестьсот двадцать девять бриллиантов чистой воды. Ювелиры собирали камни по всему свету, купали втридорога, надеясь потом не только отдать кредиты, но и хорошо навариться, но жизнь не дала им такой возможности. Насколько я знаю, они спят и видят, как избавиться от этой драгоценности.

Жанна вздохнула.

– Вы рассказываете мне это для того, чтобы я приобрела ожерелье? – поинтересовалась она. – Уверяю вас, мои оборванцы ещё не принесли мне полтора миллиона. Когда они это сделают, я подумаю.

– Ваши оборванцы никогда не принесут вам такую сумму, – заверил её Калиостро. – Именно поэтому я и упомянул вам о некоем мероприятии. Согласно моему плану, мы должны завладеть ожерельем, поделить камни и разъехаться в разные стороны. Моя доля, разумеется, будет больше, потому что всё придумал я. Но шестьсот тысяч ливров – тоже неплохая сумма. Бриллианты – не бумаги, они не упадут в цене. Кто знает, может быть, в какой-нибудь стране вам удастся выручить за них больше шестисот тысяч.

– Если не меньше, – усмехнулась Жанна. – Камни будут засвечены, их не продашь сразу и дорого. Придётся искать надёжного покупателя. Может пройти не один год, пока я избавлюсь от них. И всё это время мне нужно будет на что-то жить.

– Это я тоже учёл, – деловито произнёс Калиостро. – Неделю назад я выставил на продажу два своих отеля. Деньги от одного из них я отдам вам. Это будет авансом.

– Если нас поймут, то посадят в тюрьму, – прошептала женщина.

– Мы должны соблюдать осторожность и просчитывать все ходы, только и всего, – ответил Алессандро. – Когда особы, которым в моём мероприятии отведено почётное место, опомнятся, мы будем уже далеко.

Он говорил довольно уверенно, и его уверенность почти передалась Жанне. Кровь забурлила в её жилах. Неужели ей выпадает шанс стать богатой, пусть даже таким способом? Если этот человек, которому в течение десятков лет удавалось дурачить сильных мира сего, убеждён, что у них всё получится, отчего же не попробовать? Зато потом – богатство, свобода, пусть даже и не в этой стране. Однако надо быть предельно осторожной и всё хорошо разузнать. Какая роль отводится ей в этом предприятии? Не слишком ли это опасно? Графиня выпрямилась.

– Что я должна делать?

Лицо Калиостро озарила довольная улыбка.

– Вот это другой разговор, дражайшая графиня! Собственно говоря, особо работать вам не придётся. Во-первых, вы переедете в один из моих домов, и я окружу вас комфортом. Вы станете моей помощницей на сеансах, и я введу вас в высшее общество и заставлю местных снобов признать родственницу Валуа. Это во-вторых. А потом... Потом начнётся самое интересное. Я приглашу кардинала де Рогана на ужин и познакомлю его с вами. Наша задача – убедить принца, что вы одна из лучших подруг королевы, с которой у него подпорчены отношения.

– Отчего же так? – поинтересовалась молодая женщина. Алессандро пожал плечами.

– Ходят разные слухи. Одни утверждают, что в своё время де Роган противился свадьбе Людовика XVI и Марии-Антуанетты и делал всё для того, чтобы расстроить их брак. Естественно, королева обиделась и возненавидела его. Уже несколько лет де Роган делает всё, чтобы помириться с ней. Видите ли, ему мерещится портфель первого министра. Он готов продать душу Дьяволу, чтобы заполучить эту должность. Но без согласия королевы ему не суждено

взлететь так высоко. Вот почему мы с вами должны сделать вид, будто страстно желаем ему помочь, и предложить одну вещь.

– О чём конкретно идёт речь? – спросила Жанна.

– На сегодняшний день кардинал – один из самых богатых людей во Франции, – пояснил Алессандро. – Поэтому заплатить за ожерелье полтора миллиона, которых нет у короля, для него не представляет труда. Мы предложим ему купить драгоценность для королевы в знак их примирения.

– Рискованно, – графиня покачала головой. – Может быть, Мария-Антуанетта дует на де Рогана, но вряд ли не заговорит с ним, когда он к ней обратится. Только представьте себе, как он отреагирует, если увидит на её лице удивление и услышит, что она никогда не просила его покупать для неё ожерелье.

Граф поднял руку.

– Я это предусмотрел. Вы выступите в роли посредницы между королевой и де Роганом. Кардинал поверит, что дело очень деликатное и что Мария-Антуанетта напрямую не станет обсуждать с ним условия покупки. А затем, когда ожерелье будет приобретено, мы с вами завладеем им.

– Почему вы решили, что де Роган отдаст ожерелье мне для передачи его королеве? – поинтересовалась Жанна. – Эта драгоценность стоит больших денег, и он захочет передать её лично в руки.

Мужчина хлопнул в ладоши, и звук гулко прокатился по пустой комнате.

– Разумеется, он захочет это сделать, и мы ему поможем. Он и передаст драгоценность лично королеве. Вернее, он будет думать, что передаёт её королеве, а на самом деле преподнесёт подарок женщине, поразительно на неё похожей. Она отдаст ожерелье нам, и мы в срочном порядке покинем Францию. Когда кардинал решит выяснить, почему Мария-Антуанетта так и не увенчала свою лилейную шейку его дорогим подарком, мы уже будем далеко.

– Вы так доверяете женщине, похожей на королеву? – удивилась Жанна. Граф наклонил голову.

– Доверяю, и у меня есть на то причины. Если вы хотите ещё что-то спросить, я к вашим услугам.

Графиня задумалась, и её лоб снова избороздили морщины. Само предприятие уже не казалось ей таким опасным. В самом деле, если следовать инструкциям Калиостро, вскоре они будут держать в руках драгоценность, равной которой нет в мире. Она немного расслабилась и откинулась на шёлковые подушки. Алессандро не отрываясь смотрел на неё, догадываясь, о чём размышляет его будущая поделница. Более раскованная поза женщины его порадовала. Жанна попала на крючок, а лучшего он и не желал.

– Вижу, графиня, мои слова дошли до вашего разума. – Он иронически улыбнулся. – Это не может не обнадеживать. Итак, вы согласны помочь мне. Да что там помочь! Вы согласны стать полноправным участником этого мероприятия и по его завершении получить шестьсот тысяч ливров бриллиантами?

Жанна немного помедлила, но всё же кивнула.

– Да. Надеюсь, вы знаете, что делаете.

– Я всегда знал, что делал, и в результате из бедняка Джузеппе Бальзамо стал графом Алессандро Калиостро, лично общавшимся с царицей Клеопатрой и великим Юлием Цезарем! – отозвался мужчина. – Поверьте, графиня, мир любит рискованных людей и благоволит им. У нас с вами всё получится. Дайте мне вашу руку.

Жанна робко протянула ему белую маленькую ручку. Калиостро поцеловал её и посмотрел в глаза компаньонки.

– Решено. Сейчас отправляйтесь в свою квартирку на Сен-Клод и начинайте собирать вещи. Завтра утром я пришлю за вами экипаж. Свою старую гримзу Клотильду лучше увольте.

В моём доме нет для неё места. У вас будут лакеи и служанки, подходящие для вашего сана. Иначе нам никогда не убедить кардинала, что вы подруга королевы.

– Это мне кажется самым сложным, – проговорила графиня. – Кардинал возвращается в высшем обществе. У него есть тысячи способов выяснить, в каких я отношениях с Марией-Антуанеттой.

– Будем решать проблемы по мере их поступления, – отмахнулся Калиостро. – Я уже обещал проложить вам дорогу в Версаль и Трианон, и я, чёрт возьми, сдержу своё слово! Правда, и вам придётся потрудиться, чтобы у кардинала не возникло сомнений. Но как именно вы это будете делать – мы решим. А теперь, моя девочка, поезжайте домой. Я смертельно устал и хочу отдохнуть. Завтра у нас ещё будет возможность пообщаться, если в этом возникнет необходимость.

Он взял гостью за руку, помог ей подняться с софы и подтолкнул к двери.

– В коридоре ждёт Гильом. Он поможет вам одеться и проводит. Очень надеюсь, что завтра вы не передумаете. – Он приблизил к гостье своё лицо; на кончике тонкого носа блестели капли пота. – Вот вам мой совет. Когда захотите передумать, вспомните, что такой шанс выпадает раз в тысячу лет. Поскольку мои рассказы о преклонном возрасте, бессмертии и вечной молодости всего лишь сказки, можно сделать вывод, что больше такой шанс вам не выпадет.

Покачиваясь от пережитых волнений и усталости, Жанна вышла в тёмный коридор. Она слегка удивилась, что старый Гильом, как верная собачонка, сидел в кресле возле комнаты и ждал, когда хозяин закончит беседу с госпожой де Ла Мотт. Слуга проводил графиню до входной двери, помог ей надеть дешёвую накидку и вывел на улицу. Возле дома Калиостро стоял экипаж, на козлах гордо восседал разодетый кучер.

– Мадам, уже очень поздно, – пояснил Гильом. – Часы в гостиной показывают три утра. В такое время опасно ходить по улицам, особенно в вашем районе. Хозяин распорядился, чтобы вас доставили к дому. Завтра, ровно в девять, этот же экипаж заберёт вас.

Жанна лишь слегка кивнула, чувствуя крайнее утомление. Она забралась в карету, обитую бархатом, прилегла на жёлтую шёлковую подушку и задремала. Лишь окрик кучера разбудил её. Она заставила себя выйти на улицу и на непослушных ногах поднялась на второй этаж. Графиню встретила встревоженная Клотильда, которая уже несколько раз разжигала и тушила камин и мешала жаркое. Впустив госпожу в прихожую, она принялась стаскивать с неё верхнюю одежду.

– Вы, наверное, проголодались? – поинтересовалась служанка, нос которой даже удлинился от предвкушения свежих новостей. – Как прошёл вечер? Вы здорово задержались.

Графиня де Ла Мотт сжала локоть верной Лепореллы.

– Спасибо за заботу, Клотильда, но я не голодна. – От пережитых волнений ей не хотелось ни есть, ни пить. – Завтра для нас с тобой начнётся новая жизнь.

Старуха встревоженно заморгала.

– Что вы говорите? Какая «жизнь»?

Жанна продолжала сжимать её локоть.

– Я переезжаю в другой дом, милая Клотильда. У меня будет несколько лакеев и другая служанка. Этот дом принадлежит одному господину, который сам выбирает персонал. Нам придётся расстаться.

Клотильда зашмыгала длинным носом. Из глаз на морщинистые щёки полились слёзы.

– Вы бросаете меня, госпожа! Это бессердечно. Без вас я пропаду, сами знаете.

Жанна это знала. Два года назад она наняла Клотильду потому, что старуха просила за свои услуги дешевле всех в Париже, и неслучайно. Она была ленива, жадна и нечистоплотна, плохо готовила, ещё хуже следила за домом и за всю жизнь сменила не один десяток, а может, и сотню хозяев.

– Милая Кло, я не оставлю тебя без средств! – горячо пообещала графиня, обнимая старую женщину. – Пойдём со мной.

Она увлекла служанку в комнату и открыла потайной ящик.

– Видишь кошельки? Они твои! Все до одного. Мне они уже не понадобятся. При скромной жизни тебе хватит на долгое время. А потом найдёшь меня, и я подброшу тебе ещё. Я никогда – слышишь? – никогда не позволю, чтобы ты голодала.

Почувствовав искренность в словах госпожи, старуха смягчилась и успокоилась.

– Ну, если вы так говорите... Вероятно, какой-то богатый господин... – Она не закончила фразу, но Жанна поняла её смысл: Клотильда думала, что её добрую мадам взял на содержание кто-то из знатных людей.

Графиня покраснела и затрясла головой. Чёрный локон, вывалившись из причёски, упал ей на лоб.

– Нет, дорогая, всё не так! Я достаточно горда и достаточно высокородна, чтобы отвергать такие гнусные предложения. Да, богатый господин будет принимать участие в моей судьбе, но он лишь проникся ко мне и хочет, чтобы я вернула титулы и имения и заняла в обществе подобающее место.

– И он поселит вас в свой дом... – констатировала старуха.

– Да, он вынужден поселить меня в один из своих домов, о котором никто не знает, – ответила Жанна. – Все будут думать, что он мой. Будучи богатым и знатным, легче вернуть то, что принадлежит тебе по праву. Ну, бери же кошельки, моя добрая Клотильда! Они твои.

Но старуха колебалась. Такое поведение было ей несвойственно. Обычно её высохшая рука, покрытая синими набухшими жилками, сметала деньги со скоростью урагана, глаза загорались ярким блеском при виде бумажек или золотых червонцев.

– Ну, бери же, – нетерпеливо повторила Жанна, поглядывая на часы. – Я своего решения не поменяю.

На её удивление, служанка покачала головой и провела по жидким седым волосам.

– Я никогда не привязывалась к господам, а к вам привязалась как к дочери, которая умерла в младенчестве, – вдруг заговорила она с нежностью. – Я люблю вас как дочь, чувствую, когда вам хорошо, когда плохо, угадываю ваши желания. Что-то подсказывает мне, что вас хотят втянуть в опасное дело. Милая моя госпожа, откажитесь и оставайтесь со мной в нашей квартире! Разве вам было так уж плохо здесь? Мальчики приносили нам неплохую прибыль.

– Это не могло продолжаться вечно, – парировала Жанна. – Когда-нибудь оборванцы должны были попасться, и тогда они привели бы ко мне. Они такие неосторожные. – Она погладила старуху по плечу. – Нет, Клотильда, всё решено. Если хочешь, оставайся в этой квартире. Я буду регулярно оплачивать её.

Лицо служанки просветлело.

– Вы действительно не бросите меня на произвол судьбы?...

– Разве я тебя когда-нибудь обманывала? – искренне воскликнула графиня, и женщины кинулись друг другу в объятия. Несколько минут они плакали, но Жанна, вспомнив, что сегодня ей предстоят сборы, отстранила верную Лепореллу.

– Помоги мне собраться, дорогая.

Старуха кинулась в её комнату, достала старый дорожный чемодан, порывевший от времени и сильно обшарпанный, и принялась с несвойственной ей аккуратностью складывать вещи. Их оказалось мало. Не заполнив даже половины чемодана, она развела руками:

– Надеюсь, ваш господин оденет вас как куколку.

– Я сама одену себя, – гордо сказала Жанна. – Все ещё обо мне услышат.

– Как же жаркое? – спохватилась старуха. – Вы так и не поедите?

Графиня покачала головой:

– Не хочется. Ешь сама, моя дорогая Кло. А теперь оставь меня. Мне нужно побыть одной.

Спровадив служанку, Жанна присела на софу и грустным взглядом окинула комнату, в которой прожила не один год. Её охватило какое-то щемящее чувство, присущее человеку, простившемуся с дорогими его сердцу местами. Будущее и манило, и пугало женщину. Всё ли сложится так удачно, как предсказал Калиостро? Всё же они решили бросить вызов сильным мира сего и могут поплатиться. За оскорбление королевского величества полагалась смертная казнь. То есть, если их разоблачат, пощады ждать не придётся. Думая об этом, Жанна несколько раз порывалась разобрать дорожный саквояж и отказаться от рискованного предприятия, но убогая обстановка комнаты останавливала графиню. Если она откажется, что её ждёт? Снова прозябание на одной из самых бедных улиц Парижа и воровство кошельков у дам-благотворительниц? Нет, такая жизнь ей давно осточертела. Она хочет больших денег, и она их получит, пусть даже таким способом.

Бедная графиня не заметила, как наступило утро, и только крик молочника вернул её к действительности.

Глава 5

Алессандро сдержал своё слово, и ровно в девять часов тот же шикарный экипаж с угрюмым кучером ждал Жанну у дверей дома. Он принял из рук женщины дорожный чемодан, пристроил его рядом с собой и помог графине забраться в карету. Они помчались по оживающим улицам утреннего Парижа, усыпанного лежалым снегом. Жанна с интересом рассматривала районы, где никогда не была. А может быть, и была – давно, в детстве? Как называлась улица, на которой они жили с отцом и матерью? Продажная память не подсказывала ответ, и графиня подумала о матери. Интересно, где она сейчас? Жива ли? Вспоминает ли иногда о своём единственном ребёнке? Как бы ни относилась эта женщина к дочери, всё равно грустно, что они никогда больше не увидятся.

Печальные мысли одолевали Жанну до тех пор, пока кучер не выехал из Парижа и не помчался по загородной дороге. По обеим её сторонам раскинулись обширные поля, покрытые не истоптанным, а свежим, искрящимся белым снежком. Кое-где виднелись крестьянские домики. Мальчишки катались на санях, отгоняя собак, переливчатым лаем оглашавших окрестности. Эта сельская картина вызывала умиротворение, и Жанна успокоилась. Значит, Калиостро поселит её за городом. Что ж, она давно мечтала пожить на природе. Как бы в подтверждение её мыслей, кучер проехал по бревенчатому мостику через маленькую замёрзшую речку и остановился возле двухэтажного домика, огороженного небольшим забором, за которым высились сосны. Белый, с красной остроконечной крышей, он казался сказочным жилищем гномов, и Жанне стало весело. Когда ей помогли вылезти из экипажа, она засемила по свежавыпавшему снегу, с удовольствием прислушиваясь к его скрипу.

– Идите в дом, – напутствовал её кучер. – Слуги уже ждут вас.

Графиня кивнула ему и по вымощенной красным кирпичом дорожке прошла к крыльцу. Не успела она подняться по ступенькам, как предупредительный молодой лакей могучего телосложения в шёлковой красной ливрее открыл дверь и почтительно склонился. Жанна прошла в маленькую прихожую, устланную шикарным ковром, мягким, как шкура медведя. Лакей помог ей снять верхнюю одежду.

– Идите завтракать, госпожа. Ваш кофе уже готов.

– Спасибо, – поблагодарила де Ла Мотт. – Как тебя зовут?

– Роже, мадам, – ответил слуга.

– Сначала я осмотрю дом, Роже, – бросила Жанна и, к своему удивлению, призналась: – Я здесь впервые. А ты слуга Калиостро?

Молодой лакей покачал головой.

– Нет, мадам. Меня наняли только вчера для вас.

– Сколько вас всего? – поинтересовалась новая хозяйка.

– Пятеро, мадам, – отозвался Роже. – Четверо лакеев и одна горничная.

– Отлично.

Жанна прошла в гостиную, обставленную со вкусом. Здесь было всё самое необходимое: стол со стульями, софа, шкафчик из орехового дерева, инкрустированный перламутром. Бархатные жёлтые портьеры закрывали два небольших окна. С потолка спускалась хрустальная люстра. Осмотрев гостиную, графиня осталась довольна комфортной обстановкой и перешла в одну из спален. Широкая кровать в стиле Людовика XIV, покрытая жёлтым парчовым покрывалом, занимала почти всю площадь; на туалетном столике с довольно большим зеркалом лежали принадлежности, так необходимые женщине. Вторая спальня была меньше и, скорее всего, предназначалась для гостей.

Познакомившись со своим новым жильём, де Ла Мотт вышла в коридор. В гостиной её уже ждал накрытый к завтраку стол. Графиня только сейчас почувствовала, как проголодалась,

и с удовольствием принялась за воздушные круассаны. Как давно она их не ела! Несчастный муж всего лишь однажды повёл её в кондитерскую, и там они пили кофе со сливками и ели круассаны, разумеется, не такие вкусные. У супруга не хватило денег на другие сладости. А здесь... Калиостро явно не поскупился. Стол украшали несколько сортов варенья, бисквиты, шоколад. Голодная Жанна смела почти всё, что ей предложили лакеи, и сладко потянулась.

– Что же мне теперь делать? – произнесла она вслух, ни к кому не обращаясь.

– До двенадцати вы можете заняться чем хотите. – Роже, оказывается, находился совсем рядом. – А в двенадцать придет господин. Он просил напомнить, что у вас сегодня встреча.

Графиня закивала головой.

– Да, да, я не забыла. – Она вытерла губы батистовой салфеткой и вышла в прихожую. – Роже, занесите мой чемодан в спальню.

Молодой великан поднял его как пушинку.

– Лёгкий, мадам.

Он не стал ничего добавлять, но Жанна поняла, что Роже удивлён скудностью её гардероба. Женщина прошла в спальню, надела простое домашнее платье, порадовавшись, что теперь камин можно разжигать сколько душе угодно, и улеглась на мягкие подушки, венчающие большую кровать. Измученная переживаниями, она не заметила, как заснула, и пробудилась только тогда, когда горничная, симпатичная молодая блондинка с огромными голубыми глазами и красивой её родинкой на щеке, слегка потрогала за плечо свою госпожу:

– Мадам, к вам господин Калиостро.

Жанна мгновенно вскочила, поправила причёску и выбежала в гостиную. Алессандро развалившись сидел в кресле с высокой спинкой. Его пронзительные глаза прошлись по красивой фигуре графини де Ла Мотт, по её посвежевшему лицу. Видимо, он остался доволен своей поделницей, потому что лицо мужчины озарила улыбка.

– Рад, что вы отдохнули, – произнёс он, вставая и целуя маленькую белую руку. – Значит, вы лучше сможете воспринимать то, о чём я буду говорить. Сегодня вас ждут самые настоящие занятия, как у школьников.

Это изумило женщину.

– Но зачем? – прошептала она. – Я умею читать и писать.

Калиостро замахал руками.

– Милая моя, для знатной дамы, претендующей занять подобающее место в высшем обществе, ваше монастырское образование недостаточно. К тому же, как мне известно, вы не были прилежной ученицей. Видите ли, когда я приведу сюда де Рогана, вы должны произвести на него впечатление. Кардинал хорошо образован, и дама, которая сможет вести с ним беседу, должна почти ни в чём не уступать ему. Итак, если вы готовы, давайте начнём, ибо у меня мало времени.

– Давайте начнём, – со вздохом согласилась Жанна. Калиостро достал несколько книг из чёрного портфеля.

– Это нужно прочесть, и чем быстрее, тем лучше. А теперь, моя прекрасная ученица, слушайте меня и постарайтесь схватывать на лету. Сегодня я проведу с вами уроки математики.

Жанна вздрогнула. В этой науке она не разбиралась. На её счастье, Алессандро объяснял очень доходчиво и беспокоился, удалось ли графине во всём разобраться. Он радовался, видя, что де Ла Мотт если и не схватывает на лету, то, во всяком случае, старается понять, о чём идёт речь.

– Вы довольно способны, – похвалил он молодую женщину, проведя с ней полтора часа. – Держу пари, вам никто об этом не говорил. Да и кто мог сказать? Родители не дали вам никакого образования, а в монастыре вы были не нужны и неинтересны равнодушным монахиням. И лишь я, великий Калиостро, решил заняться огранкой бриллианта по фамилии Валуа! Честь мне и хвала, хотя я и делаю это из корыстных побуждений. – Он взглянул на огромные часы в

виде головы Горгоны, висевшие в гостиной. – А теперь, дражайшая графиня, мне пора. Завтра мой кучер доставит вас ко мне, и, кроме уроков астрономии, я обучу вас, как помогать мне во время сеансов.

– «Помогать во время сеансов»? – удивилась Жанна. – И все будут знать меня как вашу помощницу?

– Разве кто-нибудь видит моего помощника и слугу Гильома? – Граф скривил полные губы. – Нет, моя дорогая, это мне ни к чему. Ни одна живая душа не будет знать, что мы вместе мистифицируем публику. Для гостей вы будете только родственница бедного короля Генриха.

Жанна наклонила голову.

– На это я согласна.

Великий чародей поднялся с кресла и направился к двери.

– Значит, до завтра, мой друг.

– До завтра, – эхом отозвалась графиня. Она поняла: у неё действительно началась новая и интересная жизнь. Придёт ли к ней удача, зависит не только от Калиостро.

Глава 6

Граф всерьёз занялся своей поделницей. Он обучил её практически всему, что знал сам. Каждый день Жанна занималась точными науками, философией, культурой речи, читала бессмертные творения древних авторов, училась у них метким афоризмам и красноречию. Великий чародей оставался доволен своей ученицей. У неё были пытливый ум, хорошо развитое логическое мышление и – главное – желание получить хорошее образование. Кроме уроков по дисциплинам, граф обучил её техническим тонкостям, и вскоре женщина с успехом заменяла Гильома. Разумеется, ни одна живая душа не догадывалась, кто ассистирует магу.

Калиостро сдержал своё слово и вывел новую помощницу в свет. В конце февраля он повёз Жанну в Версаль, чтобы участвовать в зимнем катании королевы. Молодая графиня во второй раз увидела женщину, правившую Францией, дочь австрийской эрцгерцогини Марии-Терезии и Франца I, императора Священной Римской империи. Супруга Людовика XVI показалась ей ещё более некрасивой, чем прежде, и де Ла Мотт снова подумала, что на её месте могла быть и должна быть она. Да, происхождение у Антуанетты более знатное, но, по крайней мере, черты лица у Жанны тоньше и благородней, фигура красивее. Сделав сравнение в свою пользу, она не почувствовала обиды на судьбу, напротив, ей стало смешно. Эта чопорная вершительница судеб, показавшая при дворе свой характер и прозванная гордячкой за отказ наладить отношения с мадам Дюбарри, даже не подозревает, как скоро расплатится за своё пренебрежение к той, в чьих жилах течёт не менее благородная кровь. Жанна, ожидая, что верный своему обещанию Калиостро представит её, повернулась к спутнику, который держал её под руку. Чародей едва заметно кивнул и низко поклонился королеве. Мария-Антуанетта любезно ответила на его поклон.

– Поверьте, я желала быть на всех ваших сеансах, – с улыбкой сказала она. – Но, к сожалению, себе не принадлежу. Любой уход из дворца мне нужно согласовывать с мужем, а он, как известно, не сильно приветствует такие собрания, даже если за вашим столом собираются самые достойные люди.

– Передайте ему, что я мечтаю видеть короля за своим столом, – в тон ей ответил Калиостро, – и с нетерпением буду ждать этого момента.

Мария-Антуанетта расхохоталась, показав острые белые зубки.

– Скорее, сама Клеопатра придёт к вам.

– Она уже приходила и не рассказала мне ничего интересного. Кстати, по сравнению с вами, царица Нила – жалкая смуглая плебейка. – Граф сжал руку Жанны и слегка подтолкнул её вперёд. – Сегодня я хотел бы вам представить своего друга, графиню де Ла Мотт, урождённую Валуа.

Королева наморщила лоб, и Жанна заметила, какая у неё белая и нежная кожа. Мороз чуть зарумянил щёки государыни, делая их похожими на лепестки чайных роз.

– Жанна Валуа? Где-то я слышала это имя. – Она щёлкнула пальцами. – Постойте, мне рассказывали о вас. Значит, вы и есть та самая бедная женщина благородного происхождения, которая еле сводит концы с концами?

– Да, ваше величество, – скромно отозвалась де Ла Мотт и сделала реверанс. – Я давно уже живу на пожертвования. К сожалению, мой супруг, тоже имея благородное происхождение, получает мизерное жалование. Наши дети умирают от голода и холода.

На лице Марии-Антуанетты отразилось сочувствие. Калиостро это заметил и принял эстафету у своей новой подруги.

– Графиня желала обратиться к вам, ваше величество, но ей посоветовали сначала посетить министра, который её не принял.

Королева сжала маленький кулачок, облачённый в чёрную перчатку.

– Значит, в нашей стране родственница короля влачит жалкое существование. – Она закусил губу. – Да, я понимаю, почему министр не принял вас. Ему это неинтересно. Благотворительностью занимаюсь я. Вам следовало писать мне.

Тонкий ум и врождённая тактичность подсказывали Жанне верные ответы.

– Я не смела, ваше величество, – тихо сказала она.

Мария-Антуанетта решительно топнула маленькой ножкой, обутой в сафьяновый сапожок.

– Вы должны прийти ко мне на приём, и я попробую провести вас к своему мужу! – произнесла она. – Король не столь жалостлив, как я, но ему присуще чувство справедливости. Думаю, мы сможем что-нибудь сделать для вас.

Жанна отметила про себя, что теперь королева ведёт себя с ней довольно любезно, не так, как несколько лет назад, когда она явилась в Версаль в стоптанных башмаках и потрёпанном платье, и оценила этот факт не в пользу Марии-Антуанетты. Что ни говори, а королева должна помнить своих подданных – всех, а не избранных, коими она окружила себя, чем вызвала всеобщее неодобрение. Почему-то графиня не сомневалась, что даже теперь, несмотря на протекцию Калиостро, ни Мария-Антуанетта, ни её супруг ничего для неё не сделают. Сытые голодных не разумеют. Недаром в обществе повторяли фразу, как-то вскользь обронённую её величеством: «Кто не ест хлеб, пусть ест пирожные». Алессандро, взяв Жанну за руку и любезно попрощавшись с государыней, направился в сторону заснеженного сада.

– Вы любите зимнее катание? – поинтересовался он, будучи уверенным в ответе. Де Ла Мотт покачала головой:

– Нет.

– И я нет. Давайте порадуемся за других.

Они встали в толпе праздных и богато одетых людей и с улыбкой наблюдали, как на лёд небольшого озера, казавшегося зеркальным кругом неправильной формы, выкатили огромные голубые сани с королевскими лилиями по бокам. Мария-Антуанетта с раскрасневшимся на морозе лицом гордо восседала на голубой бархатной подушке. Возле саней столпились молодые люди, среди которых Жанна узнала графа д'Артуа, начальника своего мужа. Это был стройный, довольно интересный мужчина с тонким длинным носом. Все оспаривали право прокатить королеву. Наконец один из кавалеров, розовощёкий, красивый блондин, сложенный как Геракл, схватил упряжь и под крики восхищённой толпы заскользил по льду, разгоняясь всё больше и больше. Жанна заметила, что государыня чуть побледнела, но ничем не выказывала страха. Наиболее резвые молодцы мчались параллельно саням, пытаясь перехватить упряжь. Они показались молодой женщине похожими на больших борзых, которые старались угодить своему хозяину и во что бы то ни стало нагнать дичь. Это зрелище было и смешным и грустным одновременно – правда, только для неё. Толпа подбадривала молодёжь, участвующую в действе, и восторженно хлопала в ладоши. Алессандро, прильнув к маленькому, побелевшему от мороза уху подельницы, принялся знакомить её с присутствующими, обжигая горячим дыханием:

– Маркиз де Ламбаль... Граф де Торрен... А вон и Людовик XVI.

Взгляд графини упал на остроногого худощавого всадника, обладателя каштановых тараканьих усов и мягкого, безвольного рта, который одиноко сидел на ухоженной гнедой лошади и смотрел на невинное развлечение с нескрываемой скукой. Де Ла Мотт узнала короля. Монарх уже и на людях не скрывал, сколь равнодушен к молодой жене и её светским развлечениям. Он показался Жанне нерешительным и бесхарактерным. «Странно, что она не настояла на покупке ожерелья, – подумала графиня. – Если он воспротивился, то только по одной причине. В казне мало денег, а у неё и так бриллиантов, говорят, на двадцать два миллиона». Но какая женщина откажется от лишней драгоценности, тем более такой, как подарок Людовика XV мадам Дюбарри? Их с Калиостро предприятие могло выгореть.

Зимние игры королевского двора продолжались довольно долго. Придворные, резвясь на снегу, веселились как дети, но Жанна начала скучать. Она с детства не любила развлечения, в которых не могла принять участие сама, и свободно вздохнула, когда Калиостро приказал ей идти к экипажу.

– Первый шаг мы сегодня сделали, – сообщил он своей подельнице, плюхаясь рядом на сиденье. – Месяца через полтора сделаем второй.

– В чём он будет заключаться? – спросила Жанна, кутаясь в меховую накидку из горностая, подаренную магом.

– Я представлю вас кардиналу де Рогану, и мы с вами должны будем убедить его, что вы близкая подруга королевы, – небрежно бросил граф.

Женщина поёжилась.

– Второй шаг более рискованный, чем первый.

– Отнюдь, – возразил чародей. – Кардинал не вхож к королеве и не может в беседах с ней проверять каждое моё слово. Однако кое в чём вы правы. Придётся потрудиться. Нужно воочию убедить де Рогана, что у вас с королевой приятельские отношения.

– Но как это сделать? – воскликнула Жанна.

– О, теперь проще, чем раньше, – улыбнулся маг. – Мария-Антуанетта разрешила вам просить её аудиенции. Вы можете спокойно прийти в Версаль и застать королеву одну в саду. Необходимо, чтобы Роган увидел вас вдвоём. Уверяю, он поверит, что вы заняты дружеским разговором.

Жанна пожала плечами.

– Постараюсь. Значит, следующие полтора месяца мы будем продолжать совершенствовать моё образование?

Граф иронически поклонился.

– Именно так, мадам.

Глава 7

Полтора месяца промчались как один день. Калиостро регулярно приезжал в загородный домик, проводил занятия с талантливой ученицей, хвалил её за усердие и однажды, в конце апреля, когда снег совсем сошёл, обнажив голую жёлтую землю с редкой изумрудной травкой, пробивающейся местами, решительно объявил:

– Завтра вам предстоит знакомство с кардиналом!

Графиня побледнела и прижала ладонь ко рту:

– Уже завтра?

Граф расхохотался.

– Что я вижу? – Его светлые глаза, казалось, пронизывали насквозь. От такого взгляда женщина растерялась ещё больше. – Что я вижу? – повторил он. – Бесстрашная графиня боится? Хочу заверить вас, бояться нечего. Де Роган вас не укусит.

– Но кардинал... – Жанна метнулась к шкафу с платьями и, дёрнув на себя дверцу, принялась перебирать немногочисленные наряды. – Что мне надеть, как вы считаете? То платье, в котором я была в Версале?

– Ни в коем случае! И именно потому, что вы уже в нём были, – отвечивал граф. – Перестаньте волноваться. Я привёз вам новое платье.

Жанна замерла, открыв рот.

– Вы купили для меня платье?...

– А вас это удивляет? – поинтересовался Калиостро. – Надеюсь, вы не станете спорить со мной – хотя бы потому, что я больше вашего вращаюсь в высшем обществе.

– Ну разумеется. – Молодую женщину охватил понятный азарт, который охватывает каждую представительницу прекрасного пола, когда речь идёт о смене гардероба. – Вы покажете мне его?

– Ваш вопрос меня удивляет. – Калиостро распахнул дверь и указал на картонную коробку. – Берите, примеряйте. Оно ваше!

Жанна бросилась к покупке и судорожным движением разорвала тонкий шпагат. Атласное бордовое платье с фламандским кружевом выглядело потрясающе.

– О, – прошептала она, – о-о-о!

Этот возглас многое бы сказал любому человеку. Сразу становилось понятно, что у графини никогда не было таких дорогих и шикарных вещей.

– Примерьте, – повторил Калиостро. – Знаете, очень важно не ошибиться с размером.

Восхищённо проведя по материи белой рукой с едва заметными голубыми жилками, Жанна бросилась в спальню и там, путаясь в одежде, лихорадочно сняла её. Когда женщина наконец оказалась в новом платье и подошла к зеркалу, изумлению не было предела. На неё смотрела не прежняя Жанна де Ла Мотт, готовая унижаться из-за жалких десяти лир, а гордая королева с аристократичными чертами лица, белой гладкой кожей, небольшим ртом, пухлыми губами, маленьким орлиным носом, миндалевидными голубыми глазами и словно нарисованными углём тонкими подковами-бровями.

– О-о-о! – произнесла она ещё раз и отворила дверь спальни, представ перед Калиостро во всём своём великолепии. Граф замер, с довольной улыбкой созерцая новую богиню.

– Если раньше я немного сомневался в вас, то теперь мои сомнения улетучились, – заметил он и достал из кармана камзола небольшую коробочку. – Но это ещё не всё. Метаморфозы продолжаются. – Лилейную шейку Жанны обвилось жемчужное ожерелье. – Это не бриллианты, однако всё равно драгоценность, которая вам необыкновенно идёт. Когда наше мероприятие выгорит, вы согнётесь под тяжестью бриллиантов. О, моя дорогая, вы разобьёте не одно муж-

ское сердце! Впрочем, чтобы вы не расслаблялись, я перестаю сыпать комплиментами. Хорошо отдохните, моя деточка, завтра вы должны быть во всеоружии.

Он галантно поцеловал мраморную ручку и, насмешливо поклонившись, вышел. Раньше Жанну покорила бы его насмешливость. Какой-то плебей так ведёт себя с дамой королевских кровей! Как именно? Да как с подельницей, которую никто не уважает, и прежде всего он. Но теперь подобная вспылчивость казалась ей излишней. Только бы завтра всё получилось! Чтобы расслабиться, как советовал Калиостро, она выпила чашку горячего шоколада и вышла в сад. Весна уверенно вступала в свои права. На газонах возле домика курчавилась изумрудная травка. Нежные нарциссы склонили к земле свои жёлто-белые головки. Кудрявые гиацинты, гордясь махровыми цветками – от розовых до тёмносиних, – издавали умопомрачительный аромат. Женщина сорвала нарцисс и поднесла его к носу, испачкавшись в жёлтой пыльце. Свежий воздух с ароматами оттаявшей земли пьянил и слегка кружил голову. Жанна сжала кулачок.

«У меня всё получится, – заявила она сама себе. – У меня не может не получиться».

Глава 8

Кардинал никогда не опаздывал и явился в особняк Калиостро ровно в шесть часов. Жанне, вышедшей навстречу гостю, он показался очень высоким и чуть полноватым, но полнота его не портила. Свежее, красивое лицо принца крови с румяными щеками и большими серыми глазами было довольно привлекательным. Светлые напудренные волосы, зачёсанные назад, открывали гладкий большой лоб, не испорченный ни единой морщинкой. Увидев гостя, Алессандро послал ему самую очаровательную улыбку и отвесил лёгкий поклон.

– Вы не представляете, как я счастлив вас видеть!

– Взаимно, дорогой граф.

Молодая женщина заметила, что зубы кардинала чуть-чуть выступали вперёд, однако это не было серьёзным недостатком. Вероятно, так считала не только она, но и те дамы, которые втайне навещали священнослужителя для любовных утех. По сплетням, наводнившим Париж, их было достаточно много. Кардинала считали первым ловеласом столицы. Его образ никак не вязался с кардиналами бывшей Франции, в частности с Ришелье. В то время как дядя Рогана, кардинал Арман-Гастон, слыл церковником старой школы, его племянник всюду старался проявить свой новаторский дух. Ему был совершенно чужд религиозный уклад жизни, и Луи ни в коем случае никто не назвал бы набожным – скорее, светским, умным и воспитанным. Вольтер прекрасно знал его и горячо спорил с теми, кто считал Рогана туповатым простаком.

На самом деле Луи-Рене был тонким дипломатом, страстно любил охоту, искусство, литературу, но более всего – симпатичных женщин. Странно, но как раз в дипломатии он не преуспел. Когда Луи исполнял обязанности посла Франции в Австрии, императрица Мария-Терезия невзлюбила епископа-посла, чья разнузданная манера поведения претила её суровым нравам. Разумеется, о своих выводах она писала Марии-Антуанетте, и письма матери сделали своё дело: будущая королева Франции возненавидела кардинала. А когда в одном из писем Луи взял на себя смелость высмеять свою государыню, ненависть приняла чудовищные размеры. С тех пор Роган, успевший вернуться во Францию и награждённый почётным титулом Главного духовника при королевской особе, находился в немилости. Что он только ни делал, чтобы расположить к себе королеву, к которой испытывал большую симпатию! Ничего не помогало. Вот на этом и решил сыграть великий маг и чародей.

Жанна всё знала из рассказов графа. Её любопытство было задето, и она не отрывала от гостя глаз. Большой лоб кардинала говорил об уме и незаурядности. Интересно, позволит ли принц себя одурачить? Калиостро однажды сказал ей, что Луи-Рене при своём незаурядном уме очень доверчив. Во всяком случае, он безоговорочно верил той чепухе, которую предсказывал великий маг. Ну, как говорится, будущее покажет. Де Роган, чувствуя пристальный взгляд Жанны, повернулся к ней.

– Сегодня вы встречаете меня в обществе очаровательной незнакомки, – произнёс он, и его глаза блеснули восхищением. – Почему же вы до сих пор меня не представили?

– Что касается вас, то вы не нуждаетесь в представлении, – ответил Калиостро. – Но даму я представлю. Её кровь так же благородна, как ваша. Это графиня Жанна де Валуа де Ла Мотт, внучка короля Генриха.

Румяное лицо кардинала ничего не выразило, и молодая женщина поняла, в чём дело. Принц не верил в её королевское происхождение. Мало ли самозванок бродит по Парижу, не вызывая ни жалости, ни уважения. Вот тебе и доверчивый кардинал! Калиостро, словно прочитав его мысли, наклонил голову.

– Графине очень приятно, что сама королева прониклась к ней и принимает участие в её судьбе. Она вернула ей одно из поместий, где графиня сейчас и проживает. Мария-Антуанетта собирается назначить ей достойную пенсию, а мужа сделать пэром Франции и дать полк.

– Правда? – удивился гость. – Что ж, если это правда, очень похвально с её стороны.

Переговариваясь, они шли по длинному коридору особняка, освещённого сотнями свечей. Пламя играло в огромных зеркалах.

– Мария-Антуанетта подружилась с графиней, – сообщил граф принцу, наклонившись к самому уху. – Жанна де Ла Мотт очень приятная собеседница, и королева часто вызывает её к себе.

Лицо де Рогана выразило заинтересованность.

– Значит, вы частая гостья Трианона, – обратился он к Жанне. – И как вам наше высшее общество, к которому вы скоро будете принадлежать?

Женщина пожала плечами.

– Есть очень скучные люди. Извините за откровенность, монсеньор.

– И кого же вы считаете скучным? – участливо спросил кардинал.

На счастье Жанны, в последнее время она только и делала, что наблюдала за знатью, собиравшейся у Калиостро. Кое о ком ей рассказывал Алессандро, развлекая свою ученицу во время уроков. Поэтому высказать своё мнение о придворных не составило труда, и она бойко ответила:

– Например, граф Прованский, монсеньор.

Тонкие брови кардинала, как две дуги, поползли вверх.

– Брат короля? Скучный? Чем же он заслужил вашу немилость?

– Прежде всего тем, что он лентяй, бездельник и сплетник, а ещё он плохо относится к человеку, которого я безмерно уважаю, – проговорила Жанна. – Или, по-вашему, распространять непристойности о Марии-Антуанетте пристало человеку королевской крови? Я слышала, некоторые мечтают вызвать его на дуэль, чтобы положить конец памфлетам, порочащим королеву и наводнившим весь Париж.

– Говорят, граф Прованский обращался за помощью в сочинительстве к самому Бомарше, – вставил Калиостро. Де Роган сделал вид, что впервые слышит об этом.

– Правда? Странно. Мне кажется, великий сочинитель ни за что не пошёл бы на такое подлое дело. Вспомните, Мария-Антуанетта даже сыграла в одной из его пьес роль Розины.

Графиня состроила милую гримаску и пожала плечами.

– Допустим, он и сам не предполагал, что делает, хотя я не представляю, как это возможно. Но оставим всё на совести Бомарше. Он далеко не первая скрипка в этом дуэте. Сама Мария-Антуанетта не держит на него зла.

Кардинал напрягся.

– Она не перечисляла вам своих так называемых врагов?

Задав вопрос, де Роган тут же одёрнул себя за несдержанность. Ну откуда она может знать об этом? Вряд ли королева доверилась бы такой особе. Алессандро сжал кулаки, молясь про себя, чтобы его ученица не наговорила лишнего. Однако ума и находчивости графине было не занимать.

– Хотите знать, не входите ли вы в их число? Когда-нибудь я скажу, что думает о вас королева, но не сейчас. Давайте поговорим о ком-нибудь другом, например о брате короля и начальнике моего супруга графе д'Артуа. Он умный и красивый, но... у него столько любовных приключений, что сам Бомарше, решив сделать его героем своей пьесы, запутался в именах его любовниц.

Остроумие так и посыпалось из графини как из рога изобилия. По ироническому смеху женщина видела, что её суждения нравятся де Рогану. Чародей тактично отошёл в сторону, довольно потирая хрящеватый нос. Он видел: скоро птичка попадётся в силки. Если принц ещё не верил, что перед ним особа королевской крови, то наверняка уже заинтересовался ею как человеком и как привлекательной дамой. А это уже кое-что.

Дав гостю пообщаться с Жанной ещё минут десять, Калиостро взял его под руку.

– Графиня, вы совсем заговорили монсеньора! – воскликнул он со смешком. – А между тем ужин стынет. Позвольте проводить вас в гостиную.

* * *

Ужин прошёл в дружеской обстановке. Графиня де Ла Мотт сегодня была в ударе. Она блистала остроумием, посылала кардиналу самые очаровательные улыбки, и, прощаясь, де Роган выразил надежду, что они скоро увидятся. Жанна усмехнулась про себя. Де Роган и не предполагал: хозяин этого дома и его очаровательная спутница спят и видят эту встречу и сделают всё, чтобы она состоялась как можно раньше. Проводив гостя, Алессандро с особой нежностью помог Жанне забраться в экипаж и проговорил на прощанье:

– Ну вот, моя дорогая помощница, первый шаг сделан. Предстоит сделать второй. Мы должны доказать принцу, что вы действительно подруга королевы. В ближайшее время вы отправитесь в Версаль и попросите аудиенцию у Марии-Антуанетты. Постарайтесь, чтобы разговор происходил в саду. Де Роган часто бывает в Версале, и не исключено, что он увидит вас вместе уже в первое ваше посещение. Если же этого не произойдёт, придётся повторить комедию. Постарайтесь понравиться королеве, сделайте так, чтобы она полюбила ваши беседы и при каждом посещении отводила вам время для совместных прогулок. Тогда у кардинала не останется на ваш счёт никаких сомнений. Только после этого мы сможем действовать. Дерзайте, прекрасная графиня! – Он галантно поцеловал её руку. – Пусть сны, которые вам приснятся сегодня, подскажут путь к достижению цели.

Закрыв дверь кареты, Калиостро махнул платком, и лошади помчались по просёлочной немощёной дороге. Графиня смотрела в окно на чуть поблёскивавшую при свете луны антрацитовую ленту Сены, на тёмные поля и думала. Порой карикатурное поведение подельника и его насмешливый тон ей не нравились. Хорошо, если такой тон вызван предвкушением предстоящего успеха. Однако за последнее время она прекрасно изучила графа и понимала: так он ведёт себя вовсе не поэтому. А почему? Ответ напрашивался сам собой и ей не нравился. Граф прекрасно знал, что всё держит под контролем, как кукловод, дёргает за ниточки и в любом случае выйдет сухим из воды. Если у них всё получится, он вполне может скрыться за границей, не дав Жанне ни единого ливра и бросив её на произвол судьбы. Если их план будет разгадан, он наверняка сделает так, что все обвинения падут на неё. В самом деле, кто она и кто он? Разве их можно поставить рядом? Она – нищая самозванка, пусть даже и королевских кровей, а он – известный всей Европе маг и чародей. Высшее общество скорее поверит ему, чем ей. И тогда на многие годы, а может быть и на всю оставшуюся жизнь, домом графине станет не прекрасное высокогорное шале в Швейцарии, а каземат в Бастилии. Впрочем, Бастилия – это тюрьма для знатных особ. Возможно, королевская чета упрячет её в какой-нибудь грязный подвал, предназначенный для всякого сброда. Что сделать, чтобы этого не случилось? Естественно, нужно постоянно держать ситуацию под контролем и всё продумать до мелочей, чтобы её подельник не заметил: теперь именно она ведёт игру. Вот тогда у неё появится шанс и завладеть бриллиантами, и спастись.

Глава 9

Вопреки своему убеждению, Жанне не пришлось хлопотать об аудиенции. Калиостро, торопившийся проверить аферу как можно скорее, помог и в этом. С помощью графа д'Артуа, приятеля принцессы де Ламбаль, графиня оказалась в саду Версаля. Оправившись немного от охватившего её волнения, де Ла Мотт зашагала по вымощенной булыжником дорожке, вдыхая аромат цветущих деревьев. Весна уже давно вступила в свои права, подарив земле изумрудную траву и одев яблони и вишни сада в свадебные наряды. Любуясь красотой природы, Жанна чуть не прошла мимо королевы, сидевшей на скамейке с маленькой болонкой на руках.

– Здравствуйте, ваше величество. – Она сделала глубокий реверанс. – Извините, что помешала вашему одиночеству. Если вы прикажете удалиться...

Бледные щёки Марии-Антуанетты тронул румянец.

– Нет, нет, что вы, – она мило улыбнулась Жанне. – Одиночество мне уже наскучило. Я намеревалась поискать своего мужа. Кстати, вы не видели его?

Графиня покачала головой.

– К сожалению, нет.

Она никак не могла справиться с волнением и как можно глубже сунула дрожавшие руки в лёгкую муфту.

– И всё же извините, что нарушила ваш покой.

– О, вам незачем извиняться! – Королева встала, скорее всего из вежливости. Будучи правительницей Франции, она не могла предложить своей гостье сесть рядом. – Напротив, я рада вас видеть. Вы, кажется, графиня де Ла Мотт, верно?

Жанна снова сделала реверанс.

– Мне очень приятно, что ваше величество не забыло о скромной подданной.

Мария-Антуанетта развела руками:

– И вы называете себя «скромной подданной»? Вы? Особа королевской крови?

Графиня притворно вздохнула:

– Особа королевской крови не имеет ничего за душой, а уж о её положении при дворе не приходится и говорить.

– Я постараюсь всё исправить. – Щёки королевы вспыхнули. – Клянусь вам, я поговорю с мужем! Он упрям, своенравен, но иногда не может мне отказать.

«С трудом в это верится, если помнить о том, что говорят», – подумала Жанна, вспомнив слухи о влиянии родственников Марии-Антуанетты да и её самой на Людовика XVI, но ничего не сказала и, решив переменить тему, прикоснулась к собачонке, дремавшей на руках королевы.

– Какая шёлковая шёрстка! – с восхищением воскликнула она. – Поистине это королевская собачка. Только у вашего величества могут быть такие великолепные животные. Нет, вы посмотрите, посмотрите! – Жанна прикасалась к белым завитушкам на спине болонки. – Её шерсть столь же мягка и шелковиста, как ваша кожа.

Мария-Антуанетта зарделась. Как и любой женщине, ей были приятны комплименты.

– Какие милые вещи вы говорите! – улыбнулась она. – Жаль, что сегодня я не могу ответить вам тем же. Но обещаю, в ближайшее время мы с мужем решим ваш вопрос. Думаю, вы останетесь довольны.

Графиня приложила руку к сердцу.

– Если бы вы знали, как мне неудобно отрывать хоть минуту вашего драгоценного времени.

Мария-Антуанетта сжала её локоть.

– Вам не нужно об этом думать, графиня. Мой замок всегда для вас открыт.

Жанне показалось, что чей-то пристальный взгляд жжёт ей спину, и она быстро обернулась. За высоким зелёным деревом стоял де Роган и пристально наблюдал за женщинами. На его лице плутовка успела прочесть недоумение и усмехнулась про себя. Кажется, кардинал всё глубже увязал в расставленной для него ловушке. Что ж, с этим можно поздравить и её, и идейного вдохновителя всего мероприятия. То ли ещё будет! Мария-Антуанетта встала со скамейки, выпустила болонку из рук и кивнула Жанне:

– К сожалению, меня ждёт муж. Странно, почему его до сих пор тут нет... Он обещал прийти.

– О, у королевского величества всегда найдутся дела, – тактично сказала графиня. – Но я уверена, когда появится свободная минутка, ваш супруг прибежит сюда. Здесь так прелестно, ваше величество! Говорят, вы сами проектировали этот сад. Правда?

Лесть снова попала в цель. Трианон был любимым детищем Антуанетты.

– Это правда, дорогая графиня, – отвечала королева. – Я рада, что вам здесь нравится. Знаете, сколько у меня недоброжелателей, которые разглагольствуют о моём безвкусице, множа слухи во всех уголках Земли?

Жанна изобразила негодование:

– Что вы, как можно!

– Выходит, можно. – Королева нагнулась и взяла собачонку на руки. – А теперь мне действительно пора. Думаю, скоро увидимся.

Жанна склонилась в реверансе.

– Хочется на это надеяться, ваше величество.

Мария-Антуанетта кивнула и зашагала по дорожке, ведущей во дворец. Де Ла Мотт, делая вид, что ей ещё хочется побродить по тропинкам сада, направилась к маленькому озерцу. Кардинал вынырнул перед ней внезапно, словно по взмаху волшебной палочки.

– Здравствуйте, дорогая графиня! – Он бережно взял в свои её маленькую белую ручку и немного придержал, прежде чем поцеловать. – Рад вас здесь видеть. Не знал, что вы частая посетительница Версаля.

– Кажется, Калиостро говорил вам о нашей дружбе с королевой, – небрежно отозвалась Жанна. – Вероятно, вы не поверили. Но я никого не заставляю верить мне. Имея покровительство королевы, можно более ни в ком не нуждаться.

– Она действительно обещала вам вернуть имения Валуа? – удивился кардинал.

– Обещала, – согласилась Жанна. – Поверьте, это не такой уж щедрый подарок от королевства. Мой дед сделал очень много для Франции, и вы это не можете не признать.

– Главное, чтобы это признала королевская чета, – усмехнулся де Роган. – Насколько мне известно, Людовик XVI скептически относится к обедневшим потомкам знатных родов. Неужто вы исключение?

– За меня хлопочет Мария-Антуанетта, – скромно ответила Жанна. – И я не собираюсь просить аудиенции у короля. Если у моей подруги ничего не получится, я больше не стану навязываться. Мне вполне хватит и того, что уже есть.

– Правда? – с интересом спросил кардинал. – Королева всё ещё надеется вам помочь?

– Через два дня мы снова встретимся с ней в Трианоне, – проговорила графиня, глядя собеседнику прямо в глаза, чтобы он не заметил лжи. – Она сама настояла на этом. Кроме того, она жаждет, чтобы мой супруг получил титул пэра Франции.

– В Трианоне? – прошептал кардинал.

– Да, в её любимом дворце.

Жанна не случайно назвала Трианон. Малый дворец был любимым местом отдыха Марии-Антуанетты. Построенный по прихоти мадам Помпадур, он являл собой переходный от рококо к неоклассике архитектурный стиль и стал лучшим из творений архитектора Габриеля. Однажды, оказавшись возле дворца ещё с мужем, Жанна была поражена его изысканной

простотой. Над цоколем возвышались стройные белые колонны фасада. Со стороны парка здание окружала большая терраса. Крышу увенчивал антик с балюстрадой. Когда Людовик XVI подарил Трианон своей жене, она, влюбившись в этот маленький дворец, каждый год вносила изысканные изменения, не только не портившие общую картину, но и органично вписавшиеся в неё. В её покоях на первом этаже, куда вела лестница с ажурными коваными перилами, не было ничего помпезного, только всё самое необходимое: софа, небольшой круглый столик на высоких ножках, несколько кресел.

В этом месте можно было отдохнуть от формальной и суетной жизни двора: погулять по саду, покормить лебедей в пруду, насладиться одиночеством и, конечно, развлечься, когда этого хотелось. Вот почему по приказу королевы вокруг дворца создали пасторальную крестьянскую деревеньку в театрализованном стиле, романтические руины, беседки, забавную игрушечную мельницу. Придворные, облачённые в крестьянскую одежду, с удовольствием исполняли роль селян, повторяя их песни, пляски, прибаутки. Правда, никто из благородных дам и кавалеров не понимал, почему это так веселит королеву. Может быть, в такие минуты ей казалось, что она ближе к своему народу?

Продолжая совершенствовать Трианон по своему вкусу, Мария-Антуанетта составила проект сада в английском стиле. Со всех концов света сюда везли редкие деревья и кустарники. Огромные клумбы венчали розы и вечнозелёные кусты самшита. Искусственный пруд с белыми и чёрными лебедями служил украшением. Мария-Антуанетта настояла, чтобы для неё построили миниатюрный театр. На его сцене выступали не только комедианты, но и королева, с детства любившая участвовать в спектаклях. Некогда сам Бомарше восхитился её актёрским талантом.

Де Роган присел на маленькую скамеечку, выкрашенную в зелёный цвет, увлекая за собой графиню.

– Смотрите, как прелестны эти утки! – Он указал на птиц, безмятежно скользивших по водной глади. – Знаете, иногда я им завидую. У них нет ни забот, ни хлопот, они не хотят ничего, кроме спокойной жизни и ежедневной кормёжки. Всё это им обеспечено. Королева лично кормит их французскими булочками, – его голос дрогнул, большие глаза увлажнились.

– Вы завидуете уткам? – удивилась Жанна. – Как это странно слышать! Что же омрачает вашу жизнь?

Мужчина провёл рукой по лицу, словно смахивая уныние, которому он неожиданно для себя дал волю.

– Сейчас я завидую вам, – вырвалось у него.

Тонкие чёрные брови графини взлетели вверх, как два чётко очерченных полукруга.

– «Завидуете мне»?! Что я слышу? Вы, такой богатый, такой знатный, завидуете бедной женщине?

– Вы не такая уж и бедная, – заверил её кардинал. – К тому же особа королевской крови, которую вот-вот окончательно признают при дворе. Я видел, как на вас смотрела королева. Будьте уверены, ваш звёздный час не за горами, чего нельзя сказать обо мне. Мне никогда не добиться от Марии-Антуанетты хотя бы ласкового взгляда, как бы я ни старался.

Жанна изобразила удивление.

– Но почему?

Де Роган вздохнул.

– Виной всему эти грязные сплетни, которые кто-то усердно распускает во дворце. Наверняка вы слышали о них.

Графиня покачала головой. Прядь чёрных волос, вырвавшись из причёски, упала ей на лоб, оттеняя голубые глаза и делая женщину ещё привлекательнее.

– Я никогда не интересуюсь сплетнями. Но всё же мне любопытно, что о вас говорят.

– Кто-то придумал, будто я был противником брака Марии-Антуанетты и Людовика XVI, считая, что она ему не пара, да ещё и высмеял королеву в каком-то письме, которое я никогда не писал! – проговорил кардинал с отчаянием. – Самое ужасное, что она поверила этой лжи. Теперь я её первый враг.

Тонкие пальцы графини слегка коснулись его локтя.

– Что, если вам с ней просто поговорить, – промолвила она. – Королева – чуткий человек, уверена, она с удовольствием протянет вам руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.